

"Териоки мои, Териоки"

из цикла "Я уйду и останусь с тобою"

**Санкт-Петербург - Зеленогорск
2008**

К 460-ЛЕТИЮ ТЕРИОКИ/ЗЕЛЕНОГОРСКА

Идея проекта: А.Першин, А.Шейнис

Фотографии: А.Браво, Г.Иванцова, А.Першин, Г.Пономарёв, Н.Островский, А.Шейнис, D.Reis

Корректор: Е.Попова

Оформление, дизайн: С.Антипов, Д.Анопов

За выход этой книги особые слова благодарности выражаем ученикам Исаия Наумовича и Тамары Александровны Шейнис, Муниципальному Совету и всем жителям города Зеленогорска, создающим его неповторимую творческую ауру.

Отдельное спасибо: членам семьи Шейнисов – Евгении и Алле Рябченко, Марине Лариной;
главе муниципального образования –
главе местной администрации г. Зеленогорска Ю.Н.Гладунову;
директору типографии «Любавич» Максиму Румянцеву;
создателю сайта **www.terijoki.spb.ru** Александру Браво;
заведующей зеленогорской городской библиотекой Елене Васильевой;
старшему редактору издательства «Композитор•Санкт-Петербург» Ирине Базуевой.

PDF-версию данного издания и МРЗ-архив песен Исаия Шейниса можно получить по ссылкам:

www.terijoki.spb.ru/books/shejnis.pdf

www.terijoki.spb.ru/books/shejnis.zip

ISBN

© А.Першин, А.Шейнис, 2008

© А.Браво, Г.Иванцова, А.Першин, Г.Пономарёв, Н.Островский, А.Шейнис, D.Reis: фотографии

Дорогой читатель!

Душа моя радуется! Благодаря выходу этой книги в свет Вы можете наслаждаться волшебным слогом и мелодией, читая стихи и слушая песни Исаея Шейниса, увы, ушедшего из нашей жизни еще в начале 1994 года!

Душа моя радуется! Передо мной встает вновь светлый образ моего друга и брата, с которым судьба дала мне счастье общаться с 1944 года в течение полувека.

Как я благодарен ныне его ученикам, друзьям, сыну Саше - моему «племяннику» (так уж я с удовольствием называю его, после того, как не стало его родителей), за то, что так бережно и трогательно относятся они к творческому наследию Исаея.

Какое это было счастье в моей жизни - ощущать наше с Исаем духовное единство и потребность в постоянном общении, несмотря на разделяющее нас пространство и обстоятельства! Нельзя не верить свидетельствам великой ясновидицы Ванги Димитровой, утверждавшей тот факт, что после так называемой смерти человек сохраняет особое тело, душу, интеллект, память, способность перемещаться мгновенно в пространстве и влиять на ход событий в нашей физической жизни. Я вновь и вновь обращаюсь памятью к его образу, вновь и вновь мысленно советуюсь с ним, творя музыку, стихи, изобретения или начиная что-то в повседневной жизни.

Да как не обращаться к его творчеству, когда оно протекало если не в моем прямом присутствии, то часто в мистическом, незримом! Как много в своих нынешних и недавних произведениях я узнаю созвучного творчеству его! Как много у нас общего!

...На крутом склоне древней окраины Калуги – Острожка, над речушкой Яченкой и ныне сохраняется замаскированная пещера, картофелехранилище, в котором с октября по декабрь 1941 года с помощью жителей ближайших домов спасались от фашистов четырехлетний Исея и его мать Штерна Давыдовна. Жизнь их была на волоске: буквально в пяти метрах от пещеры стояла немецкая зенитка, и немецкая речь постоянно доносилась в землянку. Смертельно опасное соседство! А после освобождения Калуги стало известно, что фашисты убили восемь сестер Штерны Давыдовны.

Мой старший друг, известный писатель Анатолий Наумович Рыбаков, в 1988 году узнав от меня об этой трагедии и историю чудесного спасения моего друга, послал через меня Исею свою книгу «Тяжелый песок», повествующую почти о том же.

Мы подружились с Исей в далеком военном 1944 году, когда пошли в первый класс калужской 13-й школы-семилетки, которая располагалась в историческом здании, где когда-то жил великий кавказский пленник имам Шамиль. Было голодно, в школе нас подкармливали квадратиками черного хлеба, посы-

паннами иногда сахарным песком – это был праздник. Ися с первого класса учил всех, как надо учиться – за каждый класс он получал похвальные грамоты – и так все 10 классов. А калужский дворец пионеров, его струнный кружок под руководством бывшего солиста оркестра В.В. Андреева Юрия Георгиевича Федя сделал из нас приличных музыкантов.

Знаменитая калужская 5-я мужская школа-десятилетка приняла в себя три выпускных класса из 13-й и стала той «альма матер», которая сформировала из нас будущих граждан. Но 5-я школа стала важной не только в нашей жизни, но и в жизни великого Булата Окуджавы, который учительствовал в ней, успевая подучиваться у нашей классной руководительницы, маститой словесницы, профессора филологии, сосланной за 101-й километр, Анны Карповны Федоровой. А наши учителя были все одной компанией Булата, о чем мы узнали гораздо позже. Спустя годы, в 1985-м, Булат Окуджава и Исай Шейнис на равных будут вести диспут как педагоги, как литераторы, как творцы поющих стихов.

Исай Наумович Шейнис стал педагогом. Личность, совершенствовавшаяся нравственно, физически и интеллектуально, могла достичь высочайших вершин в любой области человеческого творчества, но он стал педагогом. Учителем. Учителем жизни.

Его потрясающая красота, сводившая с ума женщин Калуги, Москвы, Питера, была лишь внешним оформлением его красоты внутренней, изливавшейся стихами и мелодиями. Он пел свою жизнь, гитара ему подпевала, а слушатели внимали ему с тем, чтобы унести услышанное в свою жизнь и в жизнь друзей.

Даже в годы страшной болезни, не оставлявшей ему надежды на выздоровление, он продолжал петь, и продлевать, и совершенствовать жизнь многочисленных слушателей.

Сейчас уже существуют прекрасные DVD-диски с записями песен Исаея Наумовича Шейниса. Некоторые его произведения стали гимнами. Исай Шейнис создал гимн родной Калуге, который стал конкурентом знаменитой «Милой Калуге» С.С. Туликова, «Гимн 5-й школе», который стал ее официальным гимном, наконец, «Гимн Зеленогорску», городу, ставшему ему родным и близким, городом высокого творчества и педагогической деятельности. Первый сборник стихов его уже вышел в свет в 1999 году и тут же стал библиографической редкостью.

И вот издан этот новый великолепный сборник произведений Учителя, Поэта, Композитора, Человека!

Слава творцу, оставившему грядущим поколениям такое востребованное наследие!

Слава тем, кто вдохнул новую жизнь в это наследие!

Слава ученикам и ценителям его творчества, несущим в будущее его имя и идеи и делающим тем самым его бессмертным!

Спасибо!

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИК, КОМПОЗИТОР, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

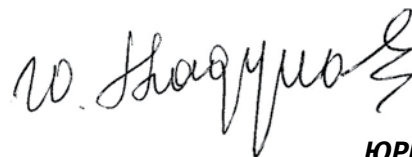
Зеленогорск (Териоки) имеет богатую культурную историю и по праву может ею гордиться.

И долг наш как потомков и наследников – беречь и сохранять вверенное нам богатство, передавать его ныне здравствующим и грядущим поколениям и не давать времени шансов стереть из памяти плоды литературного наследия.

Это дело всех нас, и тех, кто держит в руках ключи от города, и каждого конкретного жителя, в чьем сердце живут дорогие воспоминания.

В Ваших руках частичка благодарной памяти зеленогорцев – сборник стихов нашего земляка – Исай Шейниса, чье творчество внесло весомый вклад в культурную историю города. Широкую известность получила песня “Териоки мои, Териоки”, исполняемая много лет в День города в качестве гимна Зеленогорска.

Значительную часть своей жизни Исай Наумович посвятил нашему краю. Здесь он жил, творил, воспитывал новые поколения. Здесь чтят память о нём и не забывают его творчество, по сей день способное затрагивать лирические струны в душах людей.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЛАДУНОВ
Глава муниципального образования
Глава местной администрации города Зеленогорска

В конце 2006 года жизнь моя стала совсем иной: я снял погоны и стал жить по-другому. Приехал работать в давно любимый Зеленогорск. Делал необходимые трудные дела, смотрел, говорил, привыкал.

Радость не только в работе. За необходимой бытовухой прикоснулся к интереснейшему миру зеленогорского Товарищества Художников. Познакомился с очень яркими людьми. Работать стало легче. Но мой ангел-хранитель, оберегая от обыденности, через своего посредника послал мне маленькую книжку, в полтетрадки. Неяркую. Неброскую...

Чтобы не обидеть посланника, так как стихов не люблю, книгу вежливо отложил.

Но вечером открыл. Я открыл для себя – себя! Нет, не нового, но другого, наверное - доброго. Стихи Исаия Наумовича сразу вошли в душу, заполнили сердце!

Познакомился с Александром Шейнисом – сыном.

Спросил: А не пел ли отец?

Получив желанный диск, наслаждался мудрой простотой песен, настоящим пониманием главного, гармоничной передачей мысли. Само собой возникло желание объединить понимание окружающего.

Видя такую сильную заинтересованность, Александр доверил самое дорогое, что у него хранилось: дневники и письма Исаия Шейниса. Это было принятие меня. После этого стихи Шейниса и мои снимки можно было объединять.

Но почему эти стихи и песни так хорошо подошли к снимкам, накопленным за 40 лет?

Сейчас, уже хорошо познакомившись с «Семьёй Шейнисов», состоящей из друзей, учеников, знакомых, я могу ответить.

Потому, что этот мудрый и добрый человек знал суть, умел любить, и от этого светло возле него было, светло от него и сейчас.

Суть в любви, красоте, добре. Суть можно говорить, петь, рисовать, снимать.

Уходит злоба, глупость, зависть. Суть не уходит, она остаётся, и выход этой книги – подтверждение этого.

Исай Шейнис – педагог, друг, поэт, бард, муж, отец – счастливый человек.

Это счастье умел передавать ученикам, друзьям, близким. Теперь читателям.

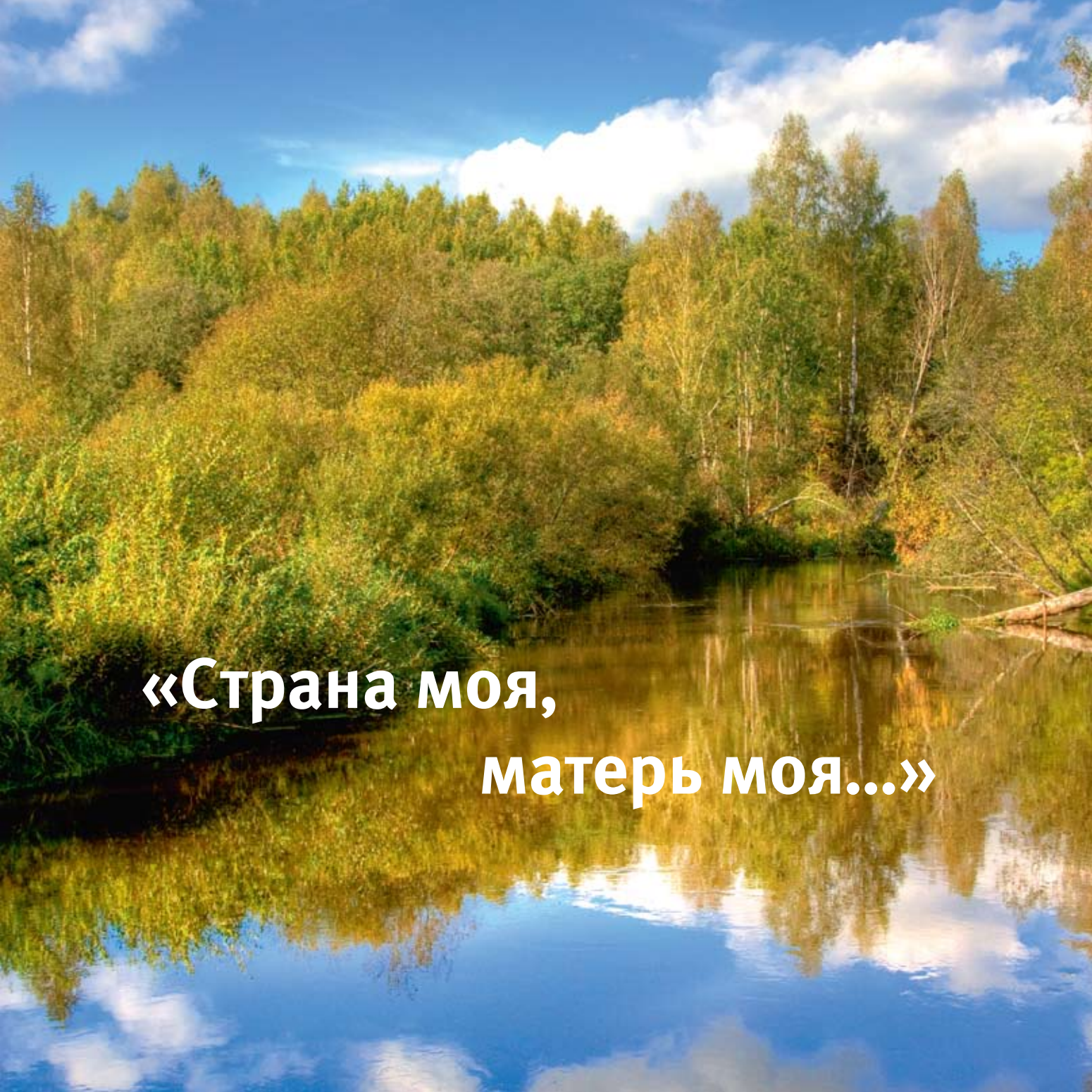
Не странно, но в Зеленогорске он не один такой.

Любовь множит.

В Териоках много людей, умеющих творить доброту, красоту, дарить любовь, и именно это, как мне кажется, делает Зеленогорск особенным.

АЛЕКСАНДР ПЕРШИН
Заслуженный Врач
Российской Федерации

**«Страна моя,
мать моя...»**

«Териоки мои, Териоки...»

Известна формула России:
Погост – селение – погост.
Платком над нею сумрак синий
С узорами далеких звезд.

Она печальна, как икона,
И прозорлива, и нема.
Ее душе мои законы –
Что ненавистная тюрьма.

Так чем спасти тебя, Россия?
Какую страсть в тебя вселить?
Ведь ни один еще мессия
Не мог тебя развеселить.

И ранит землю модный лапоть,
И вместо Троицы – футбол,
Но долго слезы будут капать
На скомканный в руках подол.

1968

А что за той невидимой оградой,
Которой жизнь и смерть разделены?
Тот самый сад, и речка возле сада,
И на воде – дорожка от луны?

В саду шалаш. Дремать в нем должен сторож,
Его мы в детстве звали «Дядя-Петь»,
Слепой хранитель яблочных просторов...
Запретный плод! Ну, как тут утерпеть?!

Запретный плод! Он так стучит в кармане –
Второе сердце... В пятках – третий стук!
Теперь бы только не проснуться маме,
Скорей – под одеяло – в пропасть – юрк!

Так быстро... смерть? Неужто это рядом?
Мгновеньем от нее отделены.
Взгляни назад: вот речка возле сада
И на воде – дорожка от луны.

1975

1917 - 1937 - 1987

Революции - семьдесят,
Мне - пятьдесят.
Я родился, когда
Она кончилась вся.
Все, что выстрадано,
Было окончательно выстроено.

В ночь рождения,
длившуюся без конца,
Трое сероглазых уводили
Моего отца.

-Можно оставить записку?

-Нет инструкции.

-Сегодня же двадцатилетие революции!

Другой сказал:

-Пусть пишет. Так тише.

Эту записку буду хранить
До последней зари:
« Иосифом назови».

1987

Нас не спасет, что чье - то имя
Мы кинем псам сторожевым:
Ведь сраму мертвые не имут.
Срам остается нам. Живым.

Заграница! Кому ты не снилась?
Пальцем в карту - и вот он, Париж!
Или - помнишь - как на берег Нила
Улетали мы с низеньких крыш.

Так и стало. Теперь мы далеко,
В том чужом, непонятном краю.
Не поможет нам старый бинокль
Разглядеть за границу твою.

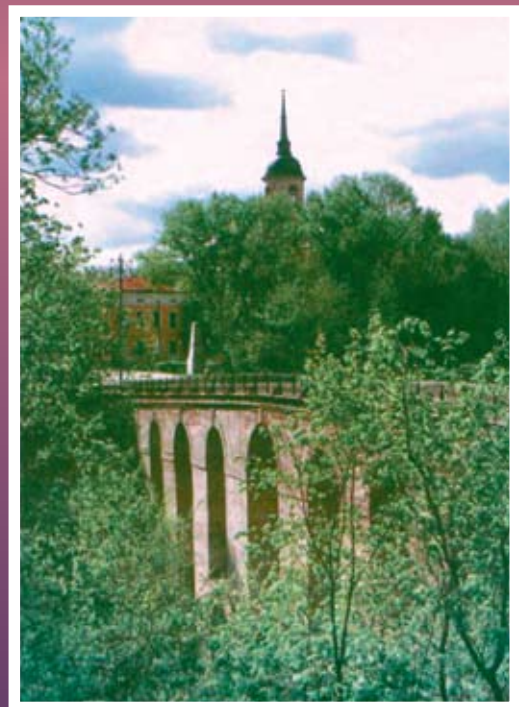
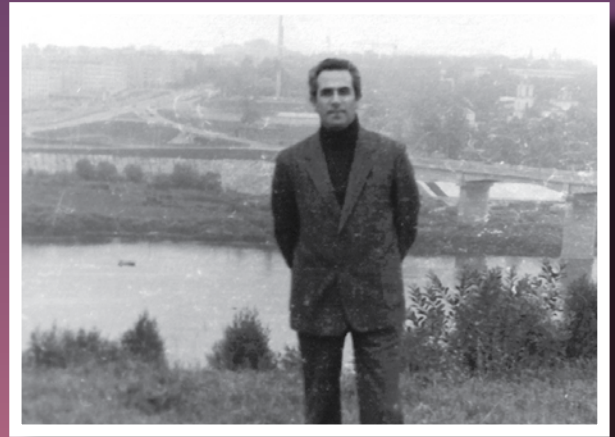
Шлешь письмо в разноцветном конверте,
Все в порядке, мол, все по плечу,
Мол, газетным рассказам не верьте,
Скоро сам, как турист, прилечу...

А моя заграница - напротив:
Рыжий берег, заросший травой,
Звон волны на крутом повороте,
Старый мост, по прозванию «живой».

Этот мост перейду - и за рощей
(Помнишь майскую песню ее?)
Забреду я вслепую, на ощупь
В тридевятое царство мое.

Там напьюсь соловьиного свиста,
Надышусь родниковой водой
И вернусь – всемогущий, плечистый -
В низкий домик под новой листвой.

1977

«Териоки мои, Териоки...»

Володе Соловьеву, калужанину.

Узорчатые ставни,
Открытый взор старух,
Бьет прямо в сердце давний
Июльских яблонь дух.

Ох, в жар меня бросает
На четной стороне!..
Компания босая
Идет навстречу мне.

Начищенный, надраенный,
Плыву себе вперед.
Меня моя окраина
Не сразу узнает.

Владельцы сонных улиц,
Ручьев и пустырей,
Они мне улыбнулись:
Мол, выходи скорей!

В заборе синем щелки,
Там смех и голоса,
И вьется чья -то челка,
И светятся глаза -

Иду я словно раем,
Под сладкий шум садов...
Мне жаль вас - нет окраин
У новых городов!

1982

Давно в Ханаанской пустыне
Мы оба были рождены:
Я – от неопытной рабыни,
Ты – от стареющей жены.

Я хлебом землю всю засеял,
Как было велено отцом.
Ты ж предал волю Моисея,
Упав пред золотым тельцом.

Ты был свободен, я – прикован,
Свою мы точно знали роль.
Кто я? Я – нищий местечковый.
А ты? Ты – нефтяной король.

Ты угадал: все в мире зыбко,
Ты все предвидел и удрал,
А «Плач Израиля» на скрипке
Я, в чудо веруя, играл.

О да, ты тоже деньги отдал
На камень, что закрыл меня,
И ты живешь теперь свободно –
Так и живи. Торгуй! Меняй!

Нет, я на время не обижен –
Пусть по веревочке бежит.
Но знай: тебя я ненавижу,
Когда спиною слышу: «Жид!»

1962

Не верить, что правда сильнее,
Работать с тоски - до доски
И в мыслях перечить не смея,
Лишь было бы все по-людски.

Наслушаться пьяного мата,
Оправдывать власть холуя -
Так чем ты еще виновата,
Страна моя, мать моя?

И силы, и слезы иссякли,
И поле заносит быльем...
Когда же последнею каплей
Наполнится сердце твое?

1982

Она за холмом этим древним
Не ведала, что суждено...
Забытая всеми деревня,
Забитое накрест окно.

Когда-то веселой, красивой,
Откуда ей было вдомек,
Что нет у нее перспективы
Вдали от шоссейных дорог?

Я сам – за житейское городское
И жизнью доволен вполне.
Но что ж не дает мне покоя
Избенка с бельмом на окне?

Она за долами, горами
Осталась одна на ветру.
Бульдозером рушу я грани,
Неужто и эту сотру?!

1986

Фото Г. Костенко.

Хочу, чтобы,
странствуя по Руси,
ты повстречала
меня.

Ш

АВИА

Куда Калуга

Кому Женщине

Индекс предприятия связи и адрес
отправителя: 19732

Индекс предприятия связи места назначения.

© Издательство Министерства связи СССР, 15/1111973. МПФФ. Вып. 17298. Цена 5 коп.

5-й километр Приморского шоссе

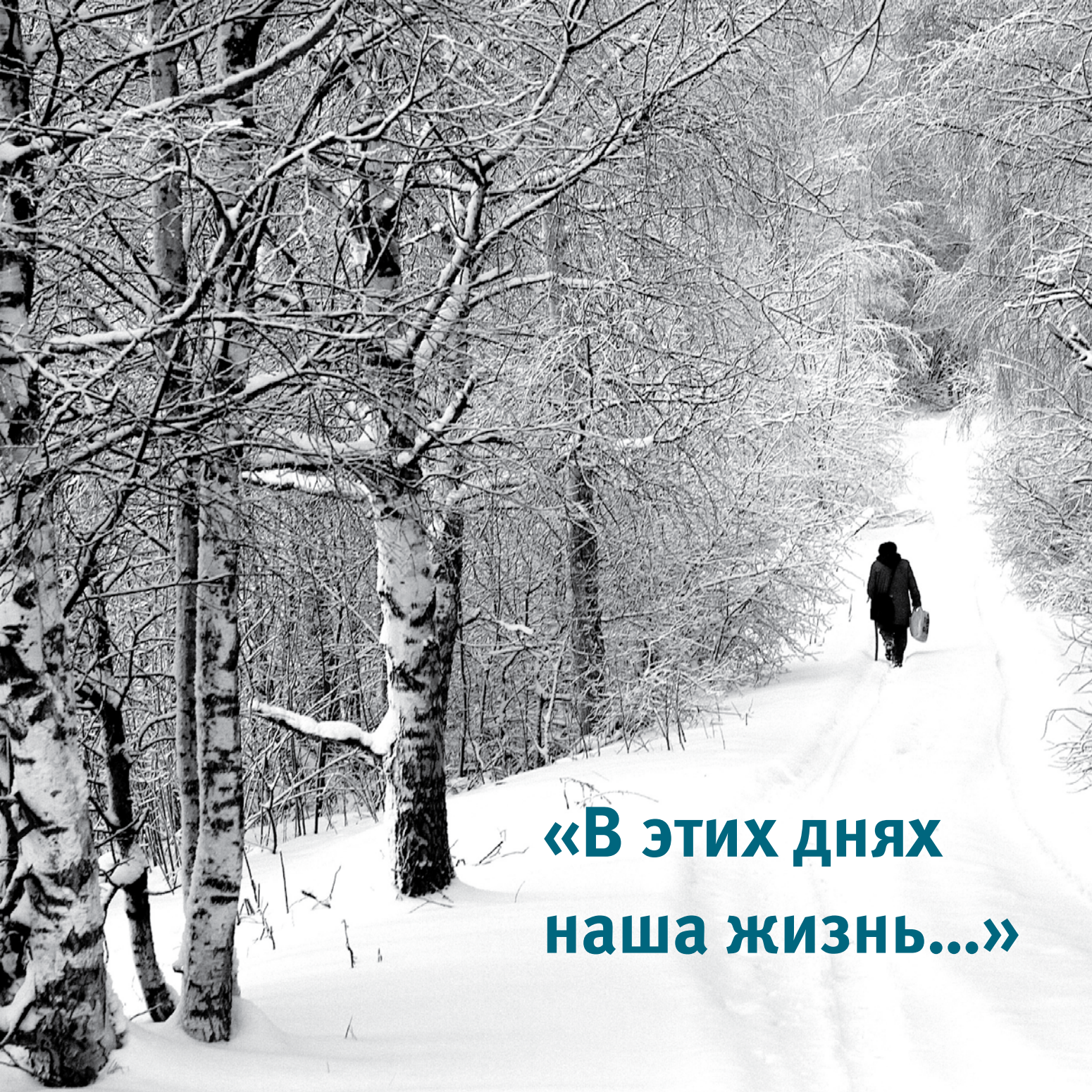
Повороты, изгибы дороги,
Непрерывная лента мечты.
Покосившийся столбик двурогий
Обозначил четыре версты.

Значит скоро... Осталась минута.
Все обычной идет чередой.
Мы еще пригодимся кому - то,
Мы еще возвратимся домой.

Каждым утром - без славы и фальши -
Объезжаю полмира свои,
Пусть автобус бежит себе дальше
По маршруту четыреста три.

Я гляжу ему вслед без тревоги
И не помню ненужных обид...
А над черным изгибом дороги
Белогрудое облако спит.

1982

**«В ЭТИХ ДНЯХ
НАША ЖИЗНЬ...»**

Первая любовь.

Ведь так все просто:
 вот твоя рука.
Еще вчера она была в веснушках.
И золотилась на вечернем солнце,
И я небрежно так схватил ее в игре.
И потянул к себе.
 И на мгновенье
Все то, что есть в тебе ,
 меня коснулось.
Я сразу взорван был-
 так, вероятно,
Взрываются миры,
 соприкоснувшись
С антимирами.
 Вот твоя рука.
Теперь она - как белая туманность!
Как шелест лебединого крыла!
Как нежная мелодия ...

1964

Тебя - чупрекиню,
 только это из-под солнца,
с глянцем, в которых
 лифьякая соека,
и рукаши, слабый поем ска,
 в которых
сплохой, дрожит прихлая,
 сильношим от росы,
нельзя не любить.
68.

Шаги - это облик людей;
Тяжелые или лёгкие.
Шаги - это поступь ума;
Трусельвые или зёткие.
Шаги - это мера судьбы;
Широкие или короткие.
Шаги - это возраст любви;
Не слышно своих шагов.

За синим морем – синий остров,
И небо синее над ним.
Я вижу это очень остро,
Когда устанут все огни.

Я слышу, как покорно море
Ласкает узкую ладонь.
Я вижу, как чернеет горе
В глазах царевны молодой.

Я знаю, как царевна хочет,
Чтоб волны, вольностью звеня,
Струясь в заплаканные очи,
На берег вынесли меня.

А у меня – ни стрел, ни лука,
Ни самобранки, ни клубка,
Есть только радостная мука:
Любить тебя издалека.

1967

Горжусь, что только я
Имею это право-
Зажечь глаза твои,
Когда темным- темно.

Добьюсь, что лишь при мне
Ты не рассудишь здраво,
Забудешь то, что есть,
И что ушло давно;

Смеюсь, когда в лицо
Ты смотришь мне лукаво,
И злюсь, как вспомню я,
что надо жить умно.

Горжусь, что только мне
Дано святое право
Зажечь глаза твои,
когда темным- темно.

1960

Долго, молча, неопытно жду,
Пока жаркое сердце остынет.
И никак не найти мне звезду –
Нашу, ту.
А потом я бросаю слова –
Не попасть в твою гордую спину.
До утра распрямятся трава.
Ты права.

1973

Ни мелодий, ни бури, ни света
Не осталось...
Устоялось
Все, стало зеленого цвета.
Жизнь стелась,
Как змея после боя –
С истраженным желанием.
Ах, какие боги!
На фоне зелени –
Цветочки...
Улыбка бога...
В глазах твоих сонных
Две точки.)
66.

«В этих днях наша жизнь...»

Море – страсть.

А ручей – это нежность,
Журчащая в тихом лесу.

И вернувшись от моря, усталый,
Ты присядешь в лесу у ручья
И листьями ветки шершавой
Будешь гладить холодную воду
Очень долго.

И вдруг в тишине
Ты услышишь,
Как плачет прибой.

Я верю в справедливый случай
И в белый снег, и в летний зной,
И в то, что мне не будет лучше,
И в то, что лучшее со мной.

Я верю осени приметам
И синим признакам весны,
Я верю в бесконечность смеха
И в неразгаданные сны.

Мне лишь тебя не доставало:
Теперь поверить так легко,
Что зло - совсем не злое стало
И что любовь недалеко.

1957

Я – в царстве Снежной королевы,
Здесь ледяные зеркала,
И всюду – сверху, справа, слева
Я равнодушен добела.

Я бесконечен, бессердечен...
снежинки - мысли так легки.
Для королевы каждый вечер
Черчу холодные стихи.

Звонит мое воображенье,
Симметрии подчинено,
И каждое стихотворенье
Другим подобно иль равно.

Неужто я навеки предан
Кусочку льда в моей груди?
О, где ты, Герда? Где ты, Герда?
Я - Кай. Я каюсь. Приходи.

1965

«Териоки мои, Териоки...»

Ты сама – как самум!
Опалённое ветром пустыни
Всё растрескалось сердце,
И в пепел свивается жизнь

Мне бы взяться за ум,
Но... оазисы глаз твоих синих
Расцветают вблизи –
Неужели опять миражи?

1965

Я знаю ненависть твою -
Яд берегут тугие губы.
И все равно я жадно пью
Наполненный тобою кубок,

И снова зелье приготовь!
Так жизнь мала, что яд не страшен.
А утром – вдребезги любовь,
Как об пол бьют пустую чашу.

1967

Листаю я сомнений груды,
Как свой единственный дневник.
Я ничего не позабуду
Из этих тайных мудрых книг.

На свете лишь сомненье вечно,
А сила случаю дана,
И только тайной бесконечной
Душа разумного больна.

И я ничуть не пожалею,
Что Вы уходите, спеша-
Я лишь загадками болею,
А в Вас - разгадана душа.

1956

Как много между нами дней!
По этой непроглядной чаще
Бегу я медленней, трудней
И навзничь падаю все чаще.

Я мну минуты, как цветы,
И сквозь часы - густые ветви -
Я вижу, как уходишь ты,
Мелькая реже, незаметней.

А у меня нет сил на крик,
Я времени шепчу проклятья.
И как ответ - последний блик
В деревьях гаснущего платья.

1967

Рассыпался карточный домик,
Построенный в суете.
Казалось, что счастье в ладонях,
Да козыри вышли не те.

Мгновенно прошедшее стерто,
И сложено было не так.
Летит, кувыркаясь, «шестерка»,
Дороги асфальтовой знак.

Зеваки толпятся рядами,
И все нагадали одно:
Что сердце стареющей дамы
Пиковым тузом пронзено...

Все прахом - булавы, браслеты...
О том, как разбился марьяж,
Неведомо только валету,
Ушедшему утром на пляж.

«Териоки мои, Териоки...»

Сжигаю за собой мосты -
Все. Чтоб уже не возвратиться.
За пламенем осталась ты,
Бескрылая моя жар - птица.

Передо мной - дороги гладь,
Лес, до отчаянья знакомый,
Отсюда мне рукой подать
До моего родного дома.

Мой дом огню не подчинен
И застрахован от неверья,
Закрою на ночь обе двери
И буду слушать дивный сон.

А утром - ветреная явь,
Полутемно и неуютно...
И я подумаю, что вплавь
К тебе добраться будет трудно...

1970

Прибереги любовь на черный день:
Узнаешь ночью все его приметы.
Пораньше встань, все лучшее надень
И выйди - в направлении рассвета.

Не будет солнца - ты его не жди,
Такой уж день, чтоб солнце не вставало.
Цыганку на базаре разбуди,
Купи букетик (помнишь, да?) фиалок.

Потом - скорей! - к тем белым парусам,
Они еще не вышли из залива,
И лишь теперь дай вылиться слезам
И снова стань влюбленной и счастливой.

Когда придешь - с фиалками - домой,
Его увидишь - сонного и злого,
Скажи, сияя: «Ненаглядный мой!
Я так хочу, чтоб начался ты снова.»

1973

Урок математики.

Из пункта А до пункта Б
Я столько дней плыву к тебе,

А рядом лодки и суда,
сюда - туда, туда - сюда.

На самолете, на арбе -
Летят к тебе, везут к тебе.

Ты в пункте Б, я в пункте А-
Так можно ведь сойти с ума!

Не написать письма тебе:
Нет почты в этом пункте Б.

Когда же ты поймешь сама,
Как жду тебя я в пункте А?

Не буду ничего решать!
Решай сама... И дай списать.

1972

На любовь нам отпущены сутки:
Скорый поезд. Купейный вагон.
Вижу: глаз твой встревоженно чуткий
Зажигает зеленый огонь.

Мы сердца раскатали по рельсам,
Перегон... Перестук... Перегляд...
На забвение ты не надейся,
Когда молча приедешь назад.

Хоть и помню библейскую строчку,
Любодействую в сердце своем.
Занавеска окна, как сорочка...
Что же светится там за окном?

1979

«Териоки мои, Териоки...»

Я чувствую – это убого,
И, кажется, вовсе не трус,
Но только боюсь голубого
И синего цвета боюсь.

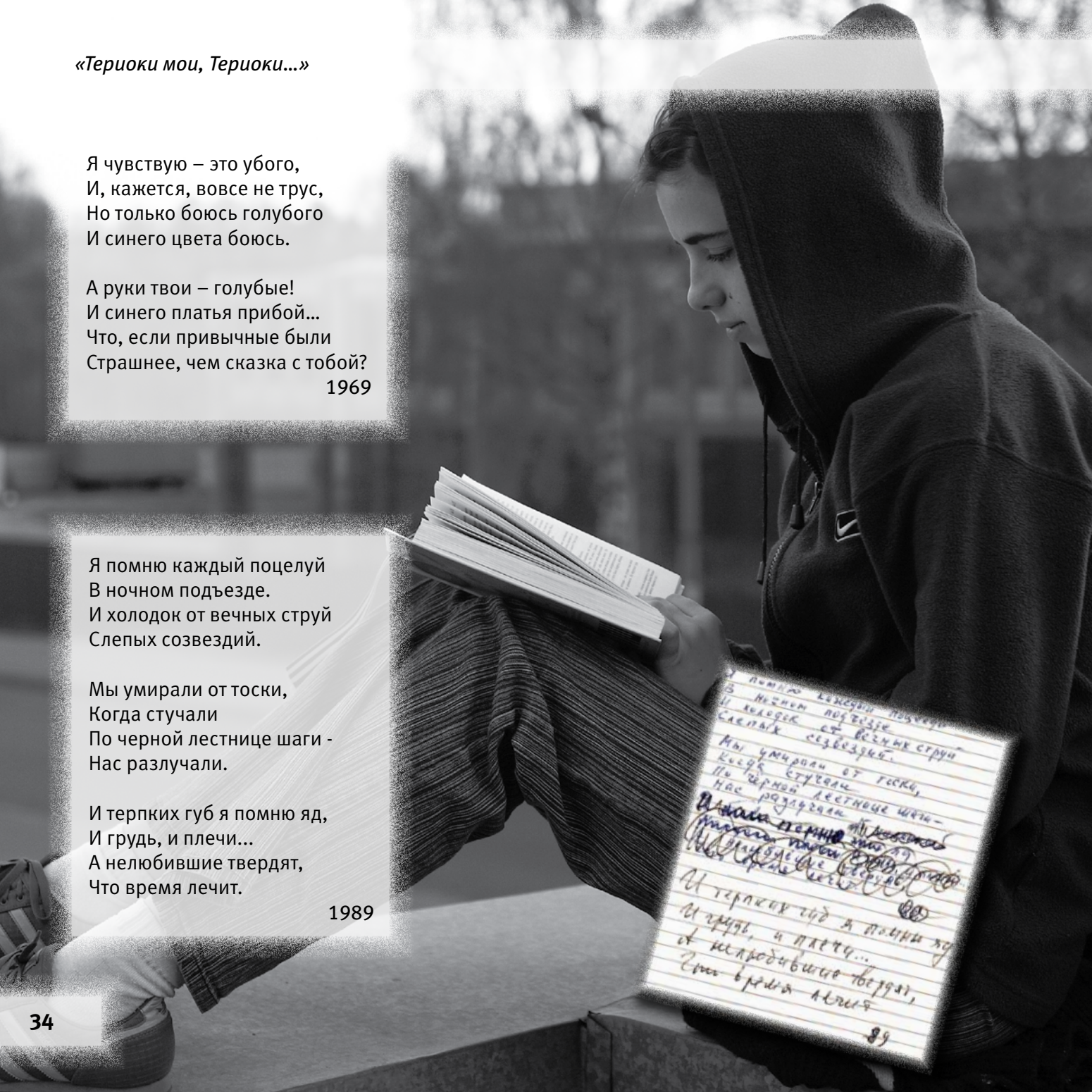
А руки твои – голубые!
И синего платья прибой...
Что, если привычные были
Страшнее, чем сказка с тобой?
1969

Я помню каждый поцелуй
В ночном подъезде.
И холодок от вечных струй
Слепых созвездий.

Мы умирали от тоски,
Когда стучали
По черной лестнице шаги -
Нас разлучали.

И терпких губ я помню яд,
И грудь, и плечи...
А нелюбившие твердят,
Что время лечит.

1989

Я помню каждый поцелуй
В ночном подъезде
И холодок от вечных струй
Слепых созвездий.
Мы умирали от тоски,
Когда стучали
По черной лестнице шаги -
Нас разлучали.
И терпких губ я помню яд,
И грудь, и плечи...
А нелюбившие твердят,
Что время лечит.
89

Современный романс

Тебе я говорила: «Властвуй!
Держи меня в ежовых рукавицах,
Мне хочется, мне нужно покориться».
Поэтому тебя просила: «Властвуй!»

Но ты не захотел, не понял,
Ты все смеялся над моей причудой.
Я приходила – думаешь, откуда?
Ты верил мне,
ты этого не понял.

Ушла я... Но не в этом дело.
Тебе я говорила: «Властвуй!»
В твоём безволе было столько счастья.
Что мне теперь...

Да разве в этом дело?

1975

В колоде бубновую даму
Нашла. «Погадать, молодой?»
И я – молодой и упрямый –
Ответил: «Гадай, черт с тобой!»

Усмешка в глазах у старухи.
(Попробуй теперь отвяжись)
И вот ее черствые руки
Сложили нескладную жизнь.

И бросили... Как все знакомо!
(И в картах – такой же прогресс)
Морока казенного дома,
И к письмам чужим интерес,

И дальняя эта дорога –
Я слушал все суше и злей...
- Пстой-ка! А что же так много
Собралось вокруг королей?!

Но дама строга и упряма.
- Скорее, гадалка, скорей!
Что было? – Червонная рана!
Что в сердце? – Девятка бубей!

Что будет? – Что будет, не нужно,
Вертелась бы только земля...
Меня назовет она суженым –
Бубнового – в масть! – короля.

1973

Я вновь сижу одна,
Колени сжав руками.
Все просто – как волна,
Бегущая на камень.

Завидую волне:
Ей все до дна понятно.
Оближет ноги мне
И утечет обратно.

Да, говорил мне ты,
Что в жизни так бывает.
Вот почему следы
Твои волна смывает.

1986

Задохнувшись от «мальчик мой»,
Провожая тебя домой.
Стал крупинкой трамвайный билет...
Мы не виделись двадцать лет.

Пролетели и ночи, и дни,
Пока выдохнул : «Позвони...»

«Териоки мои, Териоки...»

Этот март в январе –
Потемнеет к полудню дорога.
Выходи поскорей
И в снежки поиграй у порога.

Этот солнечный всплеск
Посреди холодов и разлада,
Неожиданный блеск
По-весеннему синего взгляда.

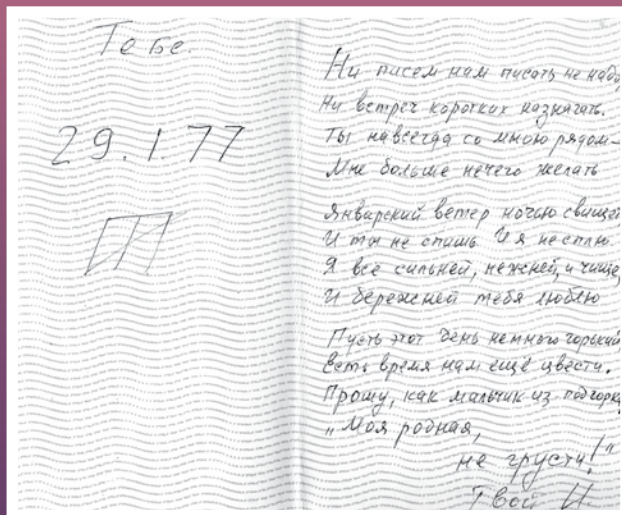
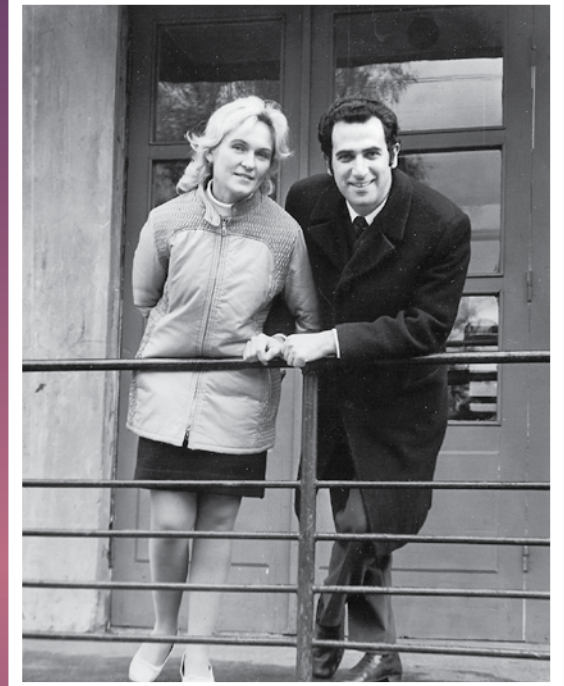
От всего откажись,
Удержи только тонкую руку:
В этих днях наша жизнь,
Остальное не стоит и звука...

1982

Когда не станет сил любить,
Иная будет связь меж нами,
И не словами, а сердцами
Друг с другом будем говорить.

Ту нить не перерезать злом,
Ее не оборвать наветом.
И самым нежным звездным светом
Мы, озаренные, уснем.

1982

Дорога к тебе все прямее,
Я эту любовь допою.
Дарю тебе все, что имею:
Печальную нежность мою.
Казалось бы, вовсе бескрылый,
Когда припадешь ты к плечу
И скажешь ответное "милый",
Я вновь в поднебесье лечу.

1993

**«Мои
создания
из мечты...»**

Песни Булата Окуджавы

ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

*Моего
сердечко
Булату
2.12.90*

Москва «Мелодия» 1989

Поэты долго не живут.
В тот день, когда рассвет алеет,
Чужую пулю позовут
Или своей не пожалеют –
Поэты долго не живут.

Вчера и молод, и влюблен,
Вчера душа была согрета,
А нынче требует поэта
К священной жертве Аполлон
В лучах прохладного рассвета.

Поэтом станешь – значит впредь
Ты выдержишь любые грозы.
Но ты обязан умереть
За год, за день, за час до прозы,
За миг до наступленья прозы.

1977

Архимеду

Песок. В зените солнце. На песке
Рисует старец прутиком засохшим
Узоры линий. Он не слышит шума
Звенящей рядом битвы. Он один.
На всей земле лишь он да чертежи...
Вдруг на песок ложится чья-то тень,
Она легка, она – одна из линий,
Но что-то есть неуловимо злое
В ее конце, безжалостном и остром,
И поднимает голову старик,
И произносит медленно и твердо:
«Прошу пощады... Я не о себе...
Но чертежи... ты видишь... на песке.
Меня убить ты можешь равнодушно,
Но погляди сюда, мой храбрый воин!
О беззащитность линий!

Неужели

Она не трогает твое крутое сердце?
Ведь эти две прямые – параллельны!
Они пронзают вечность!

Сдвинь же ногу,

Дай им продлиться...

Если так уж хочешь

Стереть кого-нибудь с лица земли,
Сотри меня, но чер...»

Густым потоком,

Горячая, как солнце, брызжет кровь
И, заливая нежные бороздки,
Скрепляет их навеки.

А копьё

Плывет вперед, уставясь в небо снова.

О, ген, ты – Вселенная...

Я ждал и верил – ты пришла.
Благословляю всю природу,
Что мне тебя передала
По генетическому коду.

Молчит Вселенная, пока
Мы приведем ее в движенье
И будет с матриц ДНК
Твое слетать изображение.

Сквозь гибельную толщу лет
Прорвемся точкой невесомой,
Чтоб обладанья знал секрет
Хранитель нашей хромосомы.

И снова будет шепот, стон
И те же слезы на ресницах...
Связь поколений, связь времен,
Она - в молекуле таится!

На месте дуэли Лермонтова

Я опоздал. Прости меня, поэт.
130 лет. Такое опоздание!
Я вижу, как ничтожное создание
Бросает свой дуэльный пистолет.

Все кончено. Ты перешел в гранит.
Четыре грифа цепи держат в лапах.
Экскурсовод о чем-то говорит,
А я вдыхаю туч июльских запахов...

Родиться б мне в один с тобою год
Нет, даже раньше, чтобы старшим братом
Стать для тебя. Все зная наперед,
Ту пулю повернул бы я обратно...

А экскурсанты цепи теребят:
Порочный круг неодолимо прочен...
Я всем горам кричу 16 строчек -
За опоздание мести. И за тебя.

1973

Я им кричал, чтоб пощадили
Мои создания из мечты,
Но, улыбаясь, проходили,
Ломали хрупкие мосты.

Деля в ладонях крошки хлеба,
Ковали, песнями звеня,
Мое лазоревое небо
Залили красками огня.

Я был подавлен и напуган.
Мечту прижав, чтоб не разбить,
Я убежал. За дальним лугом
Я думал: «Быть или не быть?»

Издалека я видел вихрь,
Я слышал песню, нюхал дым,
И вдруг ушли – и стало тихо,
И небо стало голубым.

Но только ночью, под луною,
Я, наконец, поднялся в рост
И понял все: передо мною
Сиял огромный новый мост.

И я забыл про слезы, муки,
Я вмиг нашел дорогу ту
И отдал в их стальные руки
Мою хрустальную мечту.

Меняются громкие ритмы,
Грохочут машины, а я
Цепляюсь за старые рифмы,
Соломинку бытия.

Когда ты приходишь с мороза
И хочешь сбежать поскорей,
Спасительной рифмою «роза»
Тебя задержу у дверей,

Начну говорить суетливо,
Что нынче плохая зима,
Смотрю в ожиданье счастливым,
Когда ты согласишься сама...

Не вечное разве мгновенье –
Твой взгляд удивленный. И вновь
Я верю, что есть вдохновенье,
И слезы, и жизнь, и любовь.

1981

Памяти Рубцова

Полоснуло по сердцу закатом...
Просыпается ночь.
Скрип калитки. Ты вышел куда-то.
Не помочь

Ни сомненьям твоим, ни тревоге:
Суеты не простишь.
Значит, это по силам дороге,
Только тишь

Все поймет и отпустит без боли.
Пусть моей будет боль.
Ты свободен теперь. Ты на воле.
Я – с тобой.

1978

Реплика В.Высоцкому

Опять под жизнью ты
Не подведешь черты,
Опять с концами не свести концы!

Такая в жизни жуть,
А в этой жути ржут
Транзисторные ультражеребцы.

Какой же ты осел!
Живи – как будто все,
Как будто жить осталось только день.

Такая в жизни грязь,
А в этой грязи – мразь,
И жить ей лень, и умереть ей лень.

Клади в рюкзак свой крест,
Голгофа – Эверест!
А там себя распни или убей.

Такая в жизни тишь,
А в этой тиши лишь
Поскрипывает чья-то колыбель.

1968

Творец

Он создал твердь из комьев глины,
От лужи четко отделил,
Леса из веток тополиных
На побережье посадил.

Пустил в леса по паре тварей,
Мужчину следом со стрелой...
А из окна его все звали
Истошным голосом домой.

В душе его горели звезды.
Все сделано – теперь пора.
И только женщины не создал:
Наверно, было жаль ребра.

1982

Там, где кончается сознание
И начинаются миры,
Живут пока одни названья
Из древней сказочной игры.

Не меркнет звездное убранство,
Все канет в эту тишину,
Но кто-то пробует пространство
На вкус, на цвет и глубину.

Когда-то так же из тумана
Дикарь косматый и немой
Пришел на берег океана
И воду пробовал рукой.

Выхожу один я...

Опять дорога в никуда,
В глазах огни дрожат, как свечи,
С звездой говорит звезда
На зашифрованном наречье.

Земля заснула в голубом,
Сияет небо изумрудно –
Теперь не больно и не трудно
Жалеть о солнечном былом.

Закончится кремнистый путь
У трех обнявшихся смоковниц:
Лишь там забыться и заснуть,
А здесь – надеяться и помнить.

1986

Завещание.

Гитару, живущую дольше,
стихов, неизведанных тетрадь,
любим фотографич.,
Мне ничего вам завещать.
Работал всегда до предела,
раскладом не сдерживаясь,
В верю; талантливо речя,
две вещи я — пел и людил
От этого мало, наваря,
Для тех, кто со мною, — не мей
Вися же на стенке, гитара,
Пока тебя сын не возмет.

74.

Хотите белые стихи?

Хотите!

Не может быть,

Чтоб их спокойный ритм

Не взбудоражил ваше нехотенье.

Так вот они – без рифмы, без прикрас,

Как волны моря – медленно и тяжело

Бьют в ваше сердце,

И оно не властно

Переменить мелодию прибоя...

Сначала нужно убаюкать волю

Медлительностью волн,

А потом,

Когда забьется сердце

в том же ритме –

Волнообразном ритме

вдохновенья –

Вы вдруг услышите

Прекрасный шум,

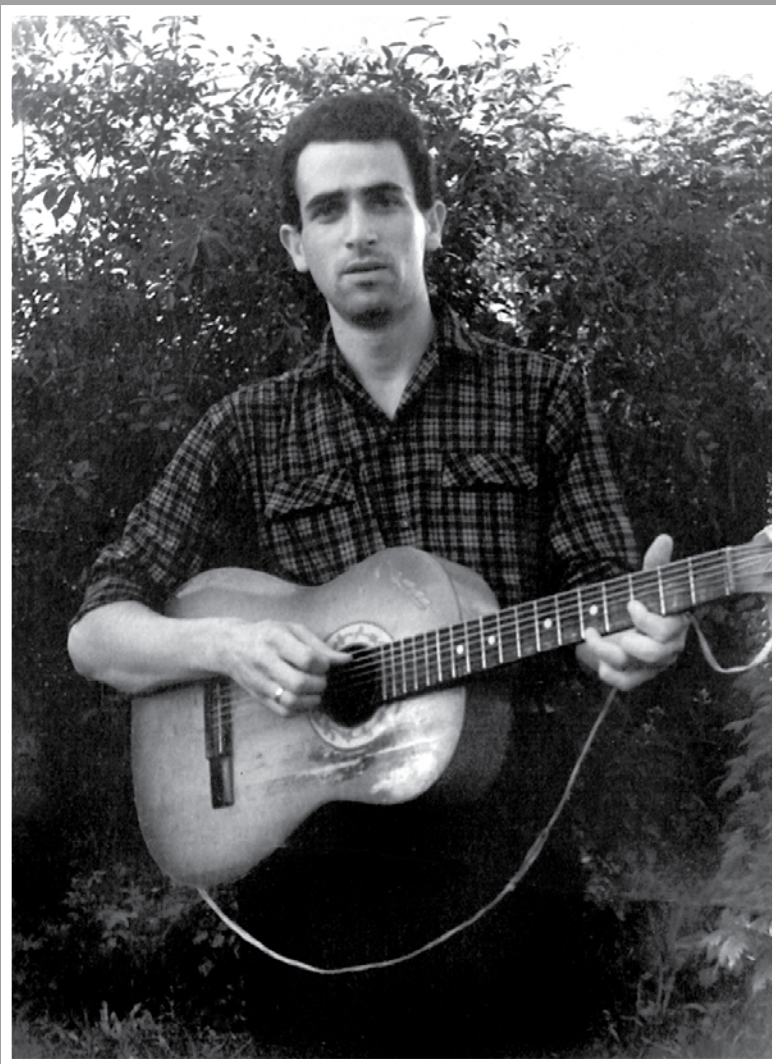
Шум ветра, моря,

Шум любви и жизни,

И холодно-прозрачная волна

Докатится до вашего желанья

И растворит его...

**Сестре.
Дочери.
Сыну.
Жене.**

Косые тени на полу.
В литровой банке ветка ивы.
Котенок, дремлющий в углу.
И мать — с улыбкою счастливой.

Сияет скатерть на столе,
Благая весть струится в окна...
Сестра! Мы будем жить сто лет,
А эти краски не поблекнут.

Родилась ты из страха,
Из июньской травы,
Дочь от первого брака,
От зеленой любви.

Это было недавно...
Помнишь песню мою?
Я со дна чемодана
Твой портрет достаю.

Не щадят мои годы
Ни кинжал, ни праща...
Повелитель мой гордый,
Ты меня — не прощай.

1976

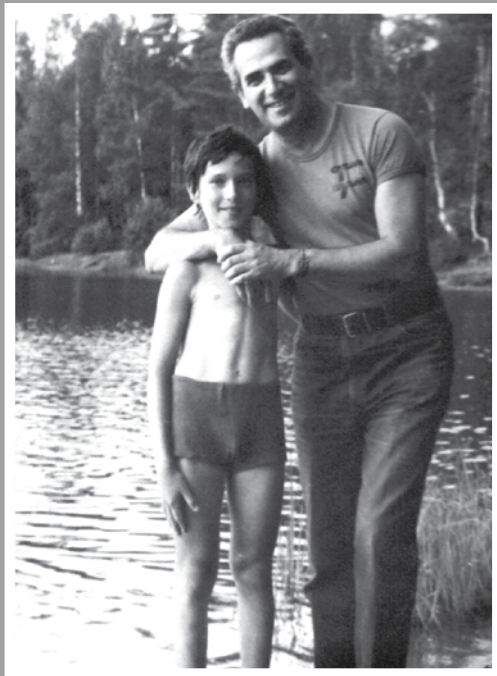
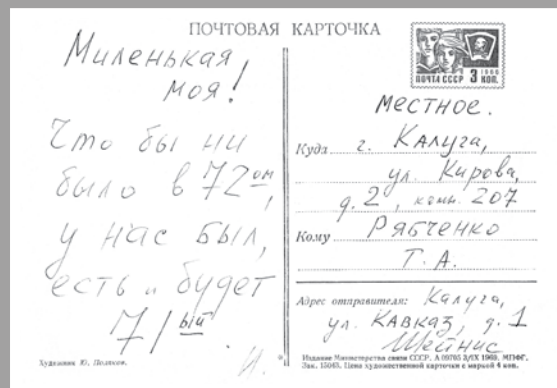
Скоро утро. В нотном стане
Тишина последний такт.
Ключ скрипичный тихо встанет,
Скрипнет дверью ... просто так.

«Фа» соскочит с верхней строчки,
Одеяло стянет с «ми» —
Все! Конец спокойной ночи,
Долго длилась, черт возьми!

Дом дрожит от свиста, гама,
Дом до крыши раздражен,
Но зато какую гамму
Учит Саша — до мажор!

1982

Что нам еще осталось?
Болезни и заботы?
Несбывная усталость,
Нелегкий смех работы?

Что нам еще приснится
Среди зимы и лета?
Садов примлечных птица
Из голубого света?

Но все это немало,
И все это так важно,
Когда дрожит усталость
В твоей ладони влажной,

Когда есть продолженье —
У сына те же плечи.
Еще одно движенье
Навстречу мне, навстречу...

1989

Сестре. Дочери. Сыну. Жене.

Двадцать лет не двадцать дней,
Дата непростая...
Что мы думаем о ней,
Наши дни листая?

Было все – добро и зло,
Жили мы без фальши.
Все ж за что-то нам везло,
Пусть везет и дальше!

Все, что было до сих пор,
Сохранить сумеем.
Дорогая! Бей фарфор!
Серебро прочнее!

21.11.1993

004 *
МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
Ф. ТГ-12

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ	ПЕРЕДАЧА	Адрес = ЗЕЛЕНОГОРСК ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОМСОМОЛЬСКАЯ 21 КВ 42 ШЕРНИ ТАМАРЕ:
19 18 00	14 29 1135	
Мин.	ГО ЧАС. МИН.	
Принят: Бей	МВ СВЯЗИ	
Передал:	Передал:	

ЗЕЛЕНОГОРСК ЛЕНИНГРАДСКОЙ 14

14 29 1135

ОТМЕТКИ:

ШЛО СЕРДЦЕ БОЛЬНОЕ КОТОРОМУ УЖ ГОД

* Цифры, указанные после вычисления суммы, отсюда послужат для проверки правильности вычисления. При приеме телеграммы необходимо проверить сумму и количество знаков. При приеме телеграммы необходимо проверить сумму и количество знаков.

Лом. вып. П. Зак. 1. 1974 г.

И вообще – я люблю тебя.
Балаше никогда бы тебя не по-
суд!

Всегда с
Не забудь меня!
Адреса пока не знаю.
Ключи завтра.

26.XI.73.

9.30 мин.

«Териоки мои, Териоки...»

«Ночами —
до сих пор бои...»

Я уйду и останусь с тобою

Когда утром пойду на войну,
На плече у меня повисни...
Я оставлю тебя одну
Среди снов и суровых истин.

Я погибну, а ты все жди,
И не верь, и не плачь на людях...
Если сын — и его проводи,
Я клянусь, он счастливый будет.

Вытри слезы...Ведь целая ночь
И три дня до последнего боя.
Я сумею тебе помочь:
Я уйду и останусь с тобою.

1968

Ночами — до сих пор бои.
Глотаешь воздух в передышках
И просыпаешься с одышкой ...
Легчает на сердце: свои!

Встревоженно молчит жена
И ждет, не зажигая света,
А ты взрываешь сигареты,
Пока не кончится война.

1975

Безымянная высота

Ты – пал.

И смертью – ты.

И храбрых – ты.

 Так и не знать мне этой высоты.

 То поле боя – где оно, ответь,

 Чтоб можно было в небо поглядеть.

Свинцовых туч разорвано кольцо,

Не целясь, солнце бьет в мое лицо...

Я – жив,

И хлебом – я,

Единым – я.

 А за столом сидят мои друзья,

 Едят и пьют и про войну поют,

 Поют про юность вечную твою:

 «То поле боя – где оно, ответь,

 Чтоб можно было в небо поглядеть».

Мне пасть – нельзя,

 Мне можно лишь упасть,

 Трусливо, несмертельно, как украсть,

 И я краду у смерти день за днем

 Под непрерывным – с высоты – огнем.

1975

День Победы – самый наш

Даже внукам – самый близкий.
Вот он, дедовский блиндаж,
Ставший гордым обелиском.

Постоим и помолчим...

Так и вижу: две гранаты,
Говорит он: «Я, ребята...»

И уходит без возврата
Бесконечно молодым.

1982

По могилам стреляют юнцы
Через 42 года...
Это кто? Удальцы? Сорванцы?
Гунны? Варвары? Дети народа?

Словно пачку из-под папирос,
Растоптали Победу...
Повисает охрипший вопрос
У могилы разграбленной деда:

- Что, опять мы вину на себя,
Как все 42 года?
Память, совесть и рана твоя,
В непогоду болят, в непогоду.

Ржаной колос

– Я был посеян сорок первым летом в суглинистую Среднюю Россию. И суждено мне было наливаться Горячим солнцем, пить ночную влагу и расплескаться Вместе с морем хлеба... А осенью, от счастья тяжелея, отдать себя под серп, чтоб летом снова отяжелеть, но я узнал другое... Я был так слаб еще, я только понял, что значит небо. И однажды утром услышал я какой-то странный шум, услышал я, как охала земля под четкими тяжелыми шагами... Они всё ближе, стоны всё больнее – и, вместо неба, надо мной повисло окованное днище сапога... С тех пор прошло немало лет. Я выжил – ведь я был втоптан в землю, и она, как это было ей ни тяжело, мне отдавала лучшее: калек для матери милей, известно всем. Я смог расти, цвести и даже зреть, а осенью сумел я умереть, подкошенный, как все. Когда увидишь в поле поменьше колос, с Искривленной шеей, и не такой тяжелый, как другие, Знай: это мой потомок дальний. Он ничего не слышал О войне.

1964

Калуга, 6 октября 1941 г.

Смутно помню:

Двухэтажный дом,
На окне игрушка –
Рыжий ослик.

Сколько там осталось в слове «ДО»,
И как мало стало в слове «ПОСЛЕ»!

Помню, как сидели у стены,
Мать ушла куда-то за водой...
Стали мы войной разделены
С маленькой игрушкой заводною.

Как прекрасно было наше «ДО»!
Если б только «После» повторилось!
Мамочка! Не надо за водой!
Я стерплю. Я много лет как вырос...

1985-1986

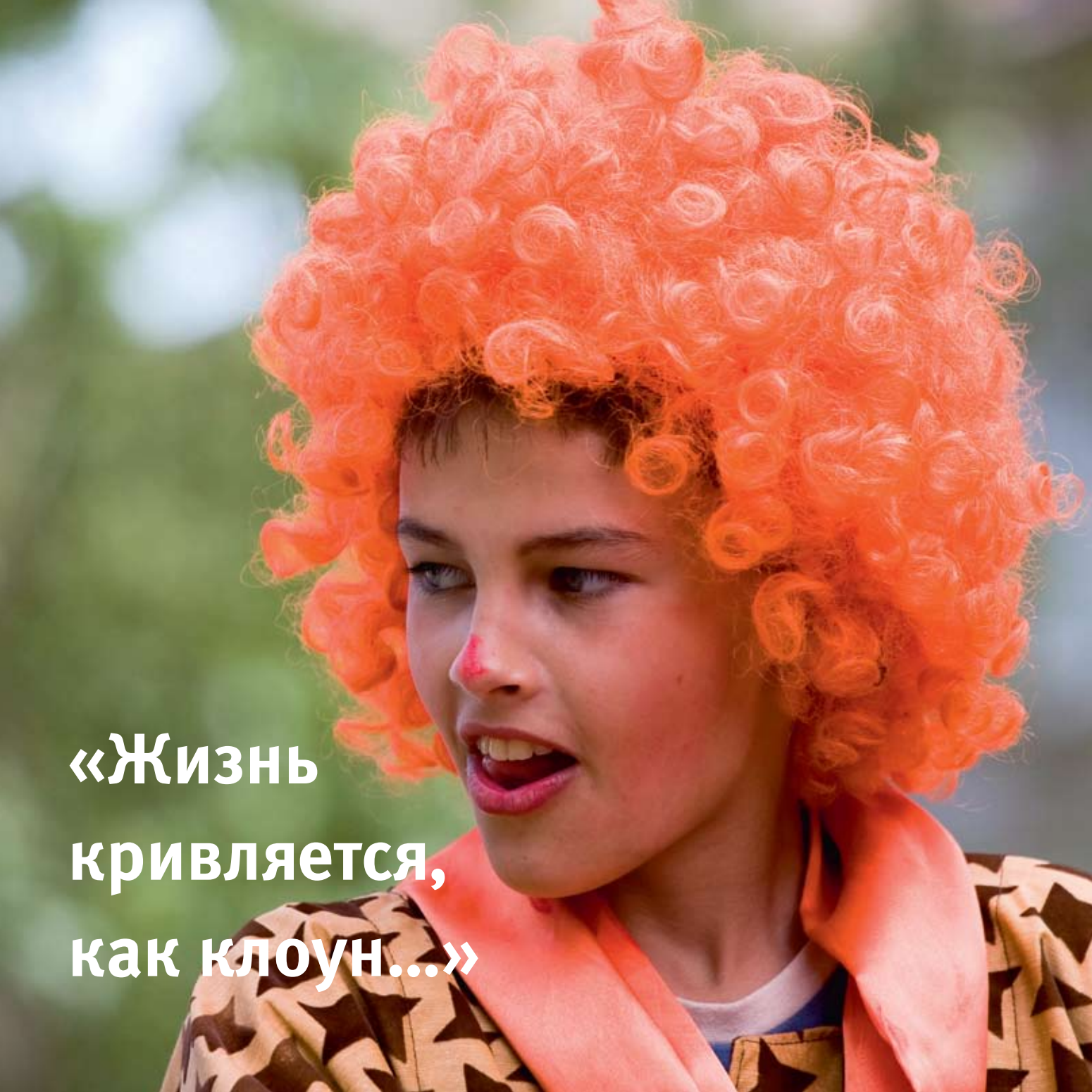

Мы ждали семеро, пока придет один.
Он сам ушел вперед, наш командир.
Он никого не взял, наш командир.

“Сидеть и ждать!” – так приказал он нам.
И ждали мы, прильнув к сухим кустам,
И тишина сушила глотки нам.

Никто не верил в наше торжество...
А мы живем. Живем и ждем его.
Мы живы, потому что ждем его.

1969

**«Жизнь
кривляется,
как клоун...»**

Вся жизнь моя как черновик
Под чьей-то беглою рукою;
Я к этой спешке так привык,
Что стал подчёркнуто спокоен.

И дни – как мятые листы –
Летят, летят в лиловых пятнах..
Но я надеюсь, что хоть ты
Меня допишешь аккуратно.

1967

Вспоминания
Я, Михаил Осип Карлович, родился
в семье 1937. в г. Калуге в семье ветерана
Великой Отечественной войны – Михаила Осипа
Карловича Карловича, ушедшего в 1944 году.
Мать – Фекла Ивановна Карлова – в настоящее
время на пенсии, живет в Ленинграде в семье
Михаила Осиповича Карловича.
После окончания школы в 1954 году
я поступил в Ленинградский государственный
университет им. Гумилева, факультет
филологии и журналистики в 1954 году.
С 17 октября 1959 года работа в Ленинградском
государственном университете им. Гумилева
по специальности «Учитель русского языка»
с 1 сентября 1965 года в роли ассистента
старшего преподавателя кафедры
русского языка и литературы в Ленинградском
государственном университете им. Гумилева.
1 октября 1975 года в связи с выходом на
пенсию переехал в Ленинград.
Семья в Ленинграде: Анна Карловна, 1936 г.р.,
жена – Мария Ивановна Карлова, 1948 г.р.
дочь – Мария Ивановна Карлова, 1975 г.р.
сын – Михаил Александрович Карлович, 1978 г.р.
первый брак с 1966 года, супруги
Мария Ивановна Карлова и Михаил Осипович Карлович.
1978 г.р. 1978 г.р. 1978 г.р.

Дни

Бывают дни – из одного начала.
Удачен каждый шаг. Любое дело
Начните в этот день. А перед ночью,
Когда стихает огненное солнце,
Пройдитесь медленно по старым переулкам
И оглянитесь в одном из них:
Вдали мелькнет любовь.

А этот день
Был бесконечно длинным, и сейчас,
Перебирая в памяти события,
Я удивляюсь жадности минут...
Всё утро нежила меня любовь,
А в полдень я учился хоронить,
Потом работал, пел и улыбался,
И, кажется, был с кем-то равнодушным.

Когда же, наконец, я лег,
И на меня,
Как водопад, обрушился весь день,
Я выбрал первое, что встретил рано утром:
Улыбку моей дочери трехлетней.

Солнечная лень

Качаюсь я у времени на волнах
И, от толчков тихонько матерясь,
Стараюсь повернуться, как подсолнух,
Чтоб солнца ни на миг не потерять.

И время- друг! - кидает мне поблажки:
Минута - час, а день как будто год.
То медленно поглаживаю ляжки,
То меряю, не вырос ли живот.

И, в солнечные блики погружаясь,
Я, отсыревший дома добела,
Подумываю, мягко выражаясь,
Послать к чертям все мысли и дела...

1961

«Териоки мои, Териоки...»

Жизнь кривляется как клоун,
Глубоко запрятав грусть,
Утром рот улыбки полон,
Ночью шепчет: “Ну и пусть!”

Жизнь привозят на арену
В разрисованном возу,
А потом бегут за сцену
Рукавом смахнуть слезу.

1956

A vintage camera, possibly a rangefinder, is shown from a top-down perspective. The viewfinder is open, showing a landscape scene of a frozen lake with a forest in the background. The camera has a blue or dark grey body. The background is a natural setting with pine needles and twigs.

Мне и сказка не расскажется
В колыбельной тишине,
Мне и чудо не покажется
В этом старом полусне.

Все привычно. Все измерено.
Все постигнуто давно.
Я стучусь уже уверенно
В неизвестное окно.

И я знаю: дверь откроется
Неизвестною рукой,
Даже кошка не умоется-
Я обычный и простой.

Все привычно. Все измерено.
Все постигнуто давно.
Я стучусь уже уверенно
В неизвестное окно.

Только сказка не расскажется
В колыбельной тишине.
Только чудо не покажется
В этом странном полусне.

Несколько мыслей по поводу дня рождения

Уносится стая
В даль неба пустую....
Строка холостая –
И жизнь вхолостую.

Эти реплики на проходе...
(Лучше б делать не говоря).
Никуда, оказалось, не годен –
Ни в поэты, ни в слесаря.

Был волосом черен,
Руками горяч,
Глазами проворен...
- Спрячь карточку, спрячь!

06.08

О вере, любви и надежде

У меня еще не было Наденьки,
Просто худенькой, маленькой Наденьки-
Были гаденькие,
 были гладенькие,
А вот Наденьки худенькой не было.

Мне не надо ни Любы, ни Верочки-
Сильной Любы, красивенькой Верочки:
Стали толстыми эти девочки,
А вот Наденьку худенькой видели.

День и ночь я по улицам бегаю,
Самым маленьким улицам бегаю,
Веры - черные, Любы - белые,
А вот Наденьки худенькой нет нигде.

1962

Гимн школы №5 города Калуги

Стар и млад со всей округи
Знают этот дом,
Потому что пол-Калуги
Проучилось в нем.
У ворот его широких
Встретимся опять
И прочтем родные строки:
« Школа №5»

Припев: Пятая школа, пятая школа,
Юности нашей первый полет.
Пятая школа, дом наш веселый,
Кто здесь учился, с нами поет:
Пятая школа, пятая школа,
Стала ты нашей общей судьбой!
Пятая школа, дом наш веселый,
Мы - твои дети - всюду с тобой.

Незабвенны переливы
Школьного звонка.
В этом доме несчастливых
Нет наверняка.
Даже «двойка» неудача -
Плакать не спеши,
Нерешенные задачи
В жизни мы решим!

Припев:
Дважды два. Природа Чили.
Формула Кюри.
Все, чему нас научили,
Ты с тобой бери.
Ученик, твоя дорога
К истине ведет.
А у школьного порога
Нас учитель ждет.

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Шейнсу Усаю Жауинову,
родившемуся в г. Калуге 6 августа 1947 года,
в том, что он, поступив в 1967 году в муниципальную среднюю школу №5
г. Калуги, окончив
полный курс этой школы и обнаружив при отличном поведении следующие
знания по предметам:

Русский язык	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/
Литература	5 /отлично/	История	5 /отлично/
Алгебра	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/
Геометрия	5 /отлично/	История	5 /отлично/
Тригонометрия	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/
Естествознание	5 /отлично/	История	5 /отлично/
Физика	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/
Химия	5 /отлично/	История	5 /отлично/
Биология	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/
География	5 /отлично/	История	5 /отлично/
Астрономия	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/
Музыка	5 /отлично/	История	5 /отлично/
Искусство	5 /отлично/	История СССР	5 /отлично/

На основании постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от
21 июня 1944 г. № 750 «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе»
Шейнсу Усаю Жауинову выдана **ЗОЛОТОЙ** медалью.
Настоящий аттестат, согласно § 4 Положения о золотой и серебряной
медалях «За отличные успехи в изучении предметов», утвержденного Советом
Народных Комиссаров Союза ССР 30 мая 1945 года, дает его владельцу право
поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных
экзаменов.

Выдан 22. Чучия 1967г.
г. Калуга

Директор школы Иванов
Заместитель директора по учебной работе Сидорова

Учитель Иванов
Иванов
Иванов
Иванов

№ 029698

Судьба! Ты ненасытна и капризна,
Я понял прихоть странную твою:
Чтоб наконец я был тобою признан-
Тебя, как рыцарь, должен взять в бою...

Сегодня ты - прекрасная сеньора,
В высоком замке светится окно,
А стражники улягутся нескоро,
Мой плащ дрожит - трусливое сукно!

Я шарю по стене - вот и она,
Веровочная лестница, - награда.
За страсть моих желаний. До окна
По ней теперь карабкаться мне надо...

Окно! Свеча... Испуганное пламя
Мой острый профиль мечет по стене...
Судьба, тебя я трогаю руками -
Как ты чиста, бесхитростна во сне!

Но мне нельзя забыть, как ты капризна,
И рыцарское дело - воевать.
Чтоб наконец я был тобою признан,
Я должен лечь теперь в твою кровать.

1964

«Териоки мои, Териоки...»

Когда отлюбишь - поцелуй
Ее последний страх,
Вьнь из коробки пастилу,
Дожуй ее в дверях.

И сапогами не стучи-
Соседям нужен мир.
Уйдешь - вздохни и помолчи
Да закури “Памир”.

Дождь моросит... Не унывай -
Пора идти вперед.
В холодный, заспанный трамвай
Садись –

и все пройдет.

1967

ФЕВРАЛЬ • FEBRUARY

11

СРЕДА
WEDNESDAY

10) (42) 11 сентября н.э.

Я помню это, Иоанн...
Как солнце сквозь песок желтело
И кровь стекала в Иордан
Из обезглавленного тела

Теперь по мне кидается плач,
В толпе Иродиада рыщет.
Готова плаха — и плач
Сжигает страстно топорнице

Через мгновение целый свет
Увидит, что и я не бегу...

Что делать?! У меня ведь нет
Того, кому в я был предтечей

67.

1967. Собрание.

Мы избегаем власти. Нам она
Не кажется заманчивой затеей.
С усмешкой мы скрываемся за тени,
Кому (мы знаем!) эта власть вредна.

У наших рук - невиданная стройность:
Единогласно. Принцип наш таков.
Расчетливо, ехидно и спокойно
Мы за столы сажаем дураков.

Дурак и стол - нет крепче монолита,
Такой уж не вспомнит ни о ком.
Теперь того, чье тело в стол залито,
Мы вслух не называем дураком,

Стоим за дверью - нас не попросили -
И, наливаясь ядом мелких чувств,
Течет из нас змеиное бессилье,
И только анекдоты- по плечу.

1967

Диалектика

Есть у серости - образ,
У искусства есть серость.
И у трусости - бодрость,
И у подлости - смелость.

Вот - геройство расчета,
Вот - расчетливый подвиг
Избегают почета
И к позору негодны.

Без любви - отдаются,
От любимых - сбегают,
Над уродством - смеются,
Красотою - пугают.

То, что просто, - не просто
А пространство - конечно.
Станут яркими звезды
Только ночью, конечно.

1967

«Териоки мои, Териоки...»

Начинается, видимо, старость:
Осторожно встречаю радость.
И не чувствую сердечной прыти
После встреч и внезапных открытий.

Не хочу, чтобы ты возвратилась,
Стала ясной необратимость,
Стало меньше туманных желаний,
И привычки теперь постоянной;

Постигаю жестокую мудрость:
Спрятать правду - главная трудность,
Трудно следовать умным советам,
Но теперь я умею и это.

1969

«Жизнь кривляется, как клоун...»

Воздастся каждому по вере...
Когда ж наступит этот суд,
Где веру каждого измерят
И все, что надо, воздадут?

Не нужно ждать его примет:
За веру воздаянья нет.

1982

Тяжелеют на шее
Цепи старых решений,
Так мучителен яд
Неисполненных клятв!

Все, что детство решило,
Все, чем юность клялась, -
Обрело теперь власть
С непонятной силой.

Горячась, холодея,
За собою бегу...
Может быть, я успею?
Может быть, я смогу?

1970

«Жизнь кривляется, как клоун...»

Открой окно и убедись
В жестокости простора:
Он предлагает падать вниз
Во избежание спора,

Но ты не верь ему, не верь -
Он хитро - равнодушен,
Закрой окно, захлопни дверь -
Тебе никто не нужен.

Среди измен и перемен
Веди себя достойней.
Нет ничего вернее стен
И потолка спокойней.

1971

*«Из мертвой главы гробовой змея,
Шипя...»*

А.С.Пушкин

О, если бы свистнуть, как в древнее время,
Коня на лугу отыскать!
Я ждать устаю. В золоченое стремя
Мне хочется накрепко встать –

И мчаться и мчаться. Под крики ущелий,
Под свист, улюлюканье скал,
Под свист всего мира, приникшего к щели,
У смерти захлопнуть оскал,

А после на череп коня вороного
Ступить – королем бытия –
И жаждать неистовства снова и снова
И знать, что ужалит змея!

1957

Мне в форточку кричали:
“В одиннадцать - домой!”
И в школе обучали:
“ Порядок слов - прямой”

“Живи достойно, чинно,
Внушала мне родня,
И женщина учила:
-Люби одну меня!

Привычные законы,
Зажавшие в тиски,
Каноны и препоны,
Скрижальные замки!

Нет, нет, не по советам,
А жить - себе назло!
Я поздно понял это...
Когда уж отцвело.

И если своенравен
Талант, то лишь одним:
Он выше всяких правил
И не снисходит к ним.

1978

Мачта

Она украшена снастями,
Она гибка и высока.
С нее следят за новостями
И машет флагами рука.

На ней проверены
 проворность
И сила тех, кто у руля,
Она – мечтательность,
 покорность
И молчаливость корабля.

Но не всегда сиять лазури.
И вот, когда грохочет гром
Она, не согнутая бурей,
Сгибается под топором.

Ее мечтательность позорна
И бесполезна для руля,
И молчаливо, и покорно
Она уходит с корабля.

1957

В нечетных числах что-то есть.
Натура их сильнее, что ли?
Иль так таинственна их воля?
Иль незапятнанна их честь?

Ты вспомни, вспомни наши даты
И непременно все поймешь:
Те числа бились, как солдаты,
Там, где раздвоенность и ложь.

1973

Начинается жизнь вслепую
И кончается наугад.
Прилетает шальная пуля
В заливные твои луга...
Ей простительна эта шалость...
Но не видел ты, чья рука
Побелела, потом разжалась,
Пальцы сбрасывая с курка.

1975

Узнать бы, что за этой рощей?
Я долго мучился. Зачем?
Уж, кажется, чего бы проще –
Уйти с котомкой на плече.

Но... то работа, то заботы,
То хлеба нету, то кино,
То неуменье свободой
Распорядиться – в общем но...

Наверно, надо бы иначе,
Да вот рюкзак не отыскать,
И нынче телепередача:
Футбол «Динамо»-«ЦСКА».

Мои дороги все короче,
Диван-кровать часов с восьми...
Что может быть за этой рощей?
Пустое место, черт возьми!

1973

Уходит человек недалеко:
В кино, на улицу да в поле на рассвете.
Никто не мерил километры эти,
А в общем, смерть было бы легко.

Уходит человек невысоко:
Забор, береза, крыша... – ниже ветра.
Никто не измерял и эти метры,
А только смерть было бы легко.

Ты говоришь, что нам не удалось
Преодолеть земное притяженье
Тебе противно наше недвиженье,
В глазах твоих отчаянье и злость.

Но, хоть и производишь ты расчеты
Орбит для галактических светил,
Что в апогее? – Молодость и пыл.
Что в перигее? – Дети и работа.

Уходит человек неглубоко...
Лишь бы не жить обдуманно и мелко
И не забыть, что есть на свете мерка,
Которой мерить очень нелегко.

1977

Прощание с високосным годом

Високосный – от слова висок:
Бьется жилка твоя голубая.
Високосный – от слова высок:
Выше смерти уже не бывает.

Мы спокойны и косны теперь
Сны уходят, и выси бледнеют...
Високосный, спасибо тебе,
Что любовь была на день длиннее.

1976

Ода вокзалу

В беспуглицу осеннюю
Сюда меня влечет:
Вокзал – мое спасение,
Как твердое плечо.

Холодная с утра еще
Высокая скамья...
И кажется – товарищи
У кассы ждут меня.

Сижу, как зверь израненный,
У жизни на виду...

На электричку раннюю
Рабочие идут,

Покуривают, весело
Шагают на перрон –
Усесться с ними вместе бы
В нетопленный вагон!

Мои душетрясения –
Кому они слышны?

Пусть спят без опасения
Сейсмологи страны.

И шумом успокоенный,
Закрою я глаза...
Еще и не такое мы
Переживем, вокзал!

1975

Никто не ходит в черном...
Монах – и то цветной.
Не угадать бесспорно,
Когда придут за мной.

У дальнего погоста
Не купишь три куста.
По ГОСТу, все по ГОСТу –
От чайки до креста.

Стираются подошвы
Отмеренных сапог...
Заказывайте, что ж вы?
Исполню точно в срок.

Но реквием не в моде,
Мир от страстей отвык,
И карты нет в колоде –
Старухи дамы пик.

Еще не закружился
Над полем синий снег...
А может, этот, в джинсах,
Мой черный человек?

Такой и не приснится,
Стучится в дверь – насквозь!
Входи... давай десницу,
Мой полотняный гость!

Ну что ты бьешься еле,
Сердечко? Перестань.
Вот мой стакан, Сальери,
Граненый мой стакан.

1977

Письмо старого учителя

От веры к неверию путь
Не только тебе предназначен...
Ты думаешь, если вернуть,
То что-то могло быть иначе?

Возможно... Но верить судьбе
Так было легко и приятно.
Под гром непрерывных побед
Кто ж думал о тропке обратной!

Ты хочешь спасенье найти
В обломках развенчанных истин –
Нет, мальчик мой, если уйти,
То станешь себе ненавистен.

Отчаяться – так хорошо!
Исчезнуть, повеситься даже...
А тем, кто еще не прошел,
Идущим за нами – куда же?

А те, кто неправдой сражен,
Кто бился в последней надежде,
Что ты побежишь на рожон,
Как шли за тебя они прежде?!

Нет, рано судьбу не кляни,
На горькую участь не сетуй:
Еще не погасли огни
И целая жизнь до рассвета.

1982-1983

2013 ГОД

В эту рань по росе
От реки ты идешь осторожно,
Миллионный парсек
Просигналил твой счетчик дорожный.

Скинут шлем. Тишина.
Светлый город встает из тумана.
В этот миг из окна
Я увижу, что все без обмана:

И роса, и заря,
Золотая звезда на востоке.
Неужели не зря?
Неужели мы не одиноки?!

Как долго в долг я жил,
Мальчишествовал бойко,
Со многими дружил
И на рожон не лез;

Милей всего была
Гостиничная койка,
От сытного стола
Сбегал я сразу в лес;

Не заводил гнезда –
Все думалось, не к спеху,
Не наносил вреда –
Невест и жен не брал,

Вполсилы руль крутил
(работа не утеха),
Зато, что было сил,
В компаниях орал;

И верилось в судьбу,
Мечталось о бессмертье,
Хотя бы кто-нибудь
Меня предостерег!

Долги бы рад отдать,
Да некому, поверьте...
Откуда силы взять
Переступить порог?

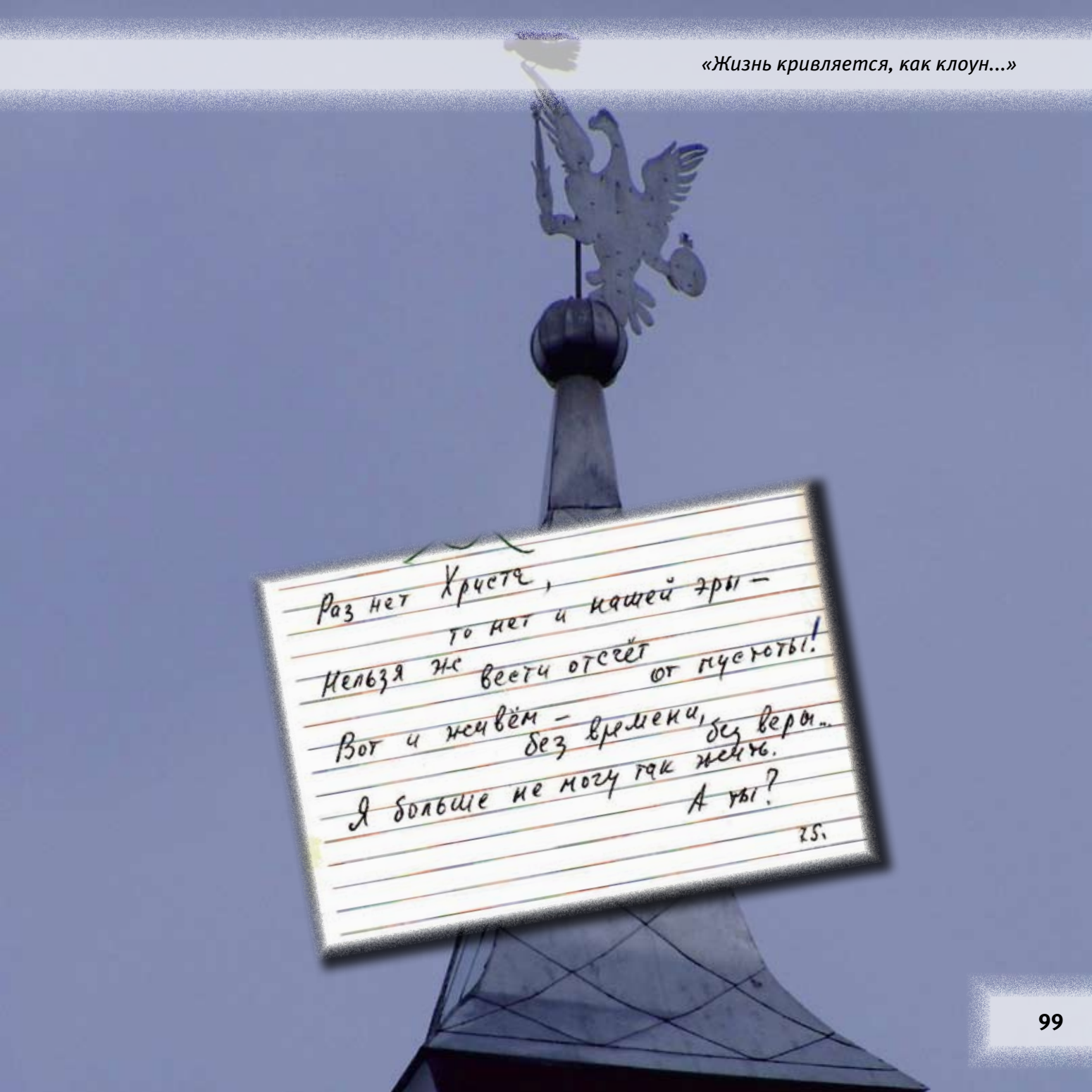
1986

«Териоки мои, Териоки...»

Еврейские мальчики в пединститутах,
 В пальтишки одетые, в галоши обутые,
 Худые, кудрявые, большеюкие,
 Не годные к службе, от дела далекие,
 В толстухек влюбленные, поэты – мечтатели,
 Российской словесности преподаватели.

1975

Раз нет Христа,
то нет и нашей эры —
Нельзя же вести отсчёт
от пустоты!
Вот и живём — времени, без веры...
Я больше не могу так жить.
А ты?

25.

Судьбы моей еще один виток
Лечу по кругу в заданном режиме.
Я сам расчислю главный свой итог,
Все будет так, как в детстве мы решили.

Пора уже подумать о душе,
Внять голосу давно уставшей плоти,
Пока еще держусь на вираже,
Пока штурвал в руках, и я в полете.

Я только об одном тебя прошу:
Когда исчезнет дым над красной далью
Скажи, что не раскрылся парашют,
Пусть это мне послужит оправданьем.

1983

«Жизнь кривляется, как клоун...»

Мои прежние жизни,
К чему вы меня привели?
Для чего начинались, рвались,
Трепетали и зрели?
Кем я был? Валунном,
Пролежавшим в дорожной пыли?
Или срезанной в утренних росах
Пастушьей свирелью?

Может, робкой тычинкой,
С которой пчела унесла
Золотую пыльцу на истомой
Сгорающий пестик?
От зачатия к концу, и обратно,
И нет мне числа,
И ноябрьская ночь,
Когда мать и отец были вместе.

Так зачем я родился?
Зачем и надолго ль умру?
Что связую собой? Или рву?
Мне не будет ответа.
Не увидит никто,
Как засохнет на черном ветру
Неприметная ветка
Остатка двадцатого века.

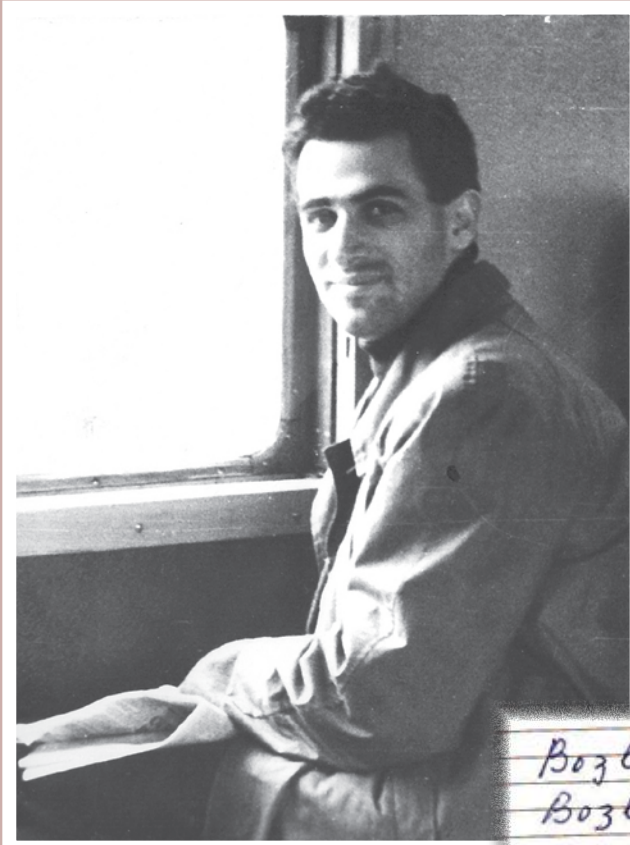
1991

Она зовётся пустотой,
Она коварна и упряма.
Придётся жертвовать собой,
Чтобы заполнить эту яму.

Я никого не пощажу-
Ко мне все были втрое злее,
И то, что раньше я взлелеял,
С собою рядом положу.

Теперь решайте- он и ты-
Кому носить колпак паяца.
Вы так боялись пустоты-
Вам больше нечего бояться

Возвращаю к себе,
Возвращаюсь.
Всё прощато судьба,
Всё прощато.

И она мне просит
Прощения.
Путь ежи - от обид
До прощенья.

1992

**«Подставляю вам
любую щеку...»**

Наша эра — Христова.
Мне, Иуде, две тысячи лет.
Начинаю с простого:
С тридцати полустертых монет.

(Мало платят за совесть,
Знают: нечего мне потерять)
Наша дверь на засове.
— Что ж, Учитель, пора вечерять.

Дай последний мой ужин.
(Хлеб хорош, и роскошно вино)

Вижу: взгляд твой все уже...
Суждено или не суждено?!

Я один перед всеми.
Ты, осина, дрожишь неспроста...

Суждено, фарисеи!
Да! Я снова ...целую Христа.

1966

Что стоит отречься от истин?
Немного колени дрожат...
Не бойся, никто не свистнет,
Когда ты пройдешь назад.

В ответ на косые сплетни —
Приветливее лицо,
Не первым и не последним
Становишься подлецом.

А то, что совесть замучит,
Так ты ей сбежать помоги.
Без правды, как видишь, лучше.
А если воскреснет — сожги!

1975

Я с этой истиной знаком:
Подставлю Вам любую щеку.
Отныне буду мстить добром
За непонятную жестокость.

Добро поставит Вас в тупик,
Обезоружит сладкой болью,
И обернется дама пик
Бубновой верною любовью.

1969

Пасхальное желание

Завидую Доле Христа –
Не той, в звездоносном эфире,
А в нашем страдающем мире,
Где он самым страждущим стал

Я тоже без страха, без вздоха
И без воскресенья потом
Пойду на любую Голгофу,
Сожженную пыльным огнем.

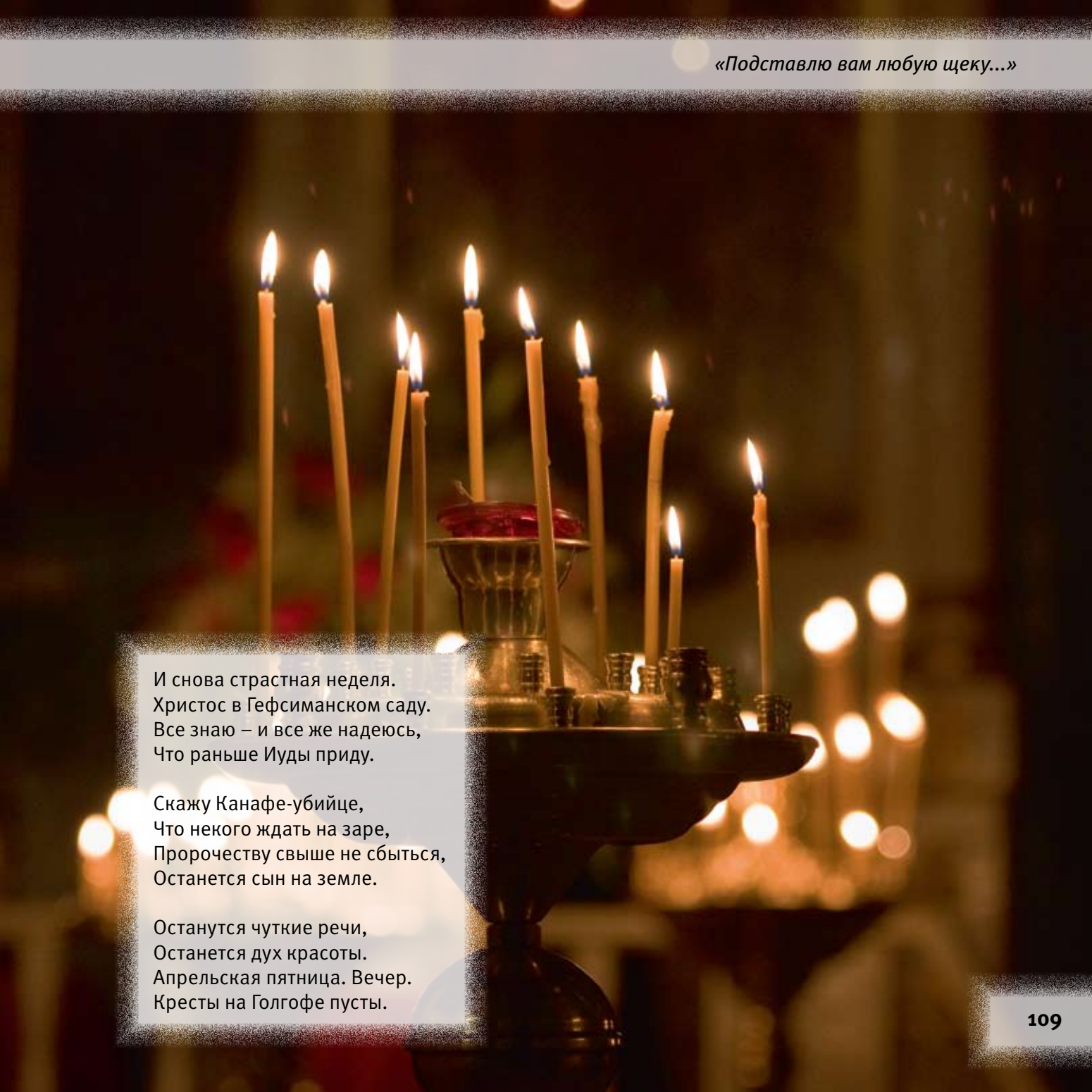
Одно только ставлю условие:
В начале последнего дня
Всем детям – любви и здоровья.
Где крест? Распинайте меня.

«Териоки мои, Териоки...»

... Есть в древних праздниках своё;
В названьях тайная услада,
И с богом сретенье вдвоём,
Лампад нетленная прохлада,

И тихий сумрак вечеров.
И звон с высоких колоколен.
Весёлый, юный снег- в Покров,
И слёзы матери в Николин.

И я, неверующий, жду,
Когда в рождественскую темень
Зажгут ещё одну звезду
В далёком старом Вифлееме.

И снова страстная неделя.
Христос в Гефсиманском саду.
Все знаю – и все же надеюсь,
Что раньше Иуды приду.

Скажу Канафе-убийце,
Что некого ждать на заре,
Пророчеству свыше не сбыться,
Останется сын на земле.

Останутся чуткие речи,
Останется дух красоты.
Апрельская пятница. Вечер.
Кресты на Голгофе пусты.

Мой друг, ты помнишь ли
Дорогу эту –
Как мы с тобою шли
Навстречу ветру?

Никто не приходил
Нам на подмогу.
Был смысл лишь один –
Вперед, в дорогу!

Мы верили мечте
И в даль смотрели...
А может, ветры те
Не постарели?

Взглянуть на синеву,
Расстаться с крышей
Зову тебя, зову –
Но ты не слышишь.

Хлеб носим, воду льем
С утра до ночи,
Белье кругом, белье –
Идем! Не хочешь...

Меня предостеречь
Решился? Знаю:
Игра не стоит свеч.
А я играю!

1973

Прощание

Лети, душа моя, лети!
Свободная от оболочки,
Лети! Я не сумел пройти
Наш путь до самой дальней точки.

Я рад, что грянул праздник твой,
Когда в саду пьяно от вишен.
Но в грустный день сороковой
Не торопись подняться выше.

Увидишь, тучу пережда,
Как полетит с ограды птица,
И с каплей сладкого дождя
Слеза твоя ко мне скатится.

1992

«УВИДИМ
ПОСРЕДИ
ЗИМЫ...»

Первый снег

Он был беспечно смелым...
Хоть жил всего пять дней,
Нас удивить успел он
Решимостью своей.

Поверив снова в чудо,
Мы были влюблены.
Осенняя простуда
Не вмешивалась в сны.

Забыв, что все непрочно,
Мы праздновали ночь,
И снегу этой ночью
Никто не мог помочь.

Почувствовали утром -
Чего-то больше нет.
И все, что было мудрым,
Растаяло, как снег.

1969

«Териоки мои, Териоки...»

Февраль

Ах ты, ветренник февраль,
Ну и парень, ну и враль!

Целовал все родинки -
Ласковый, молоденький,

Заметил сердце мне,
А теперь сбежал к весне.

Что ж я, старая зима,
Виновата тут сама.

Выведу все родинки -
Хватит мне молоденьких.

1969

Крещенский снег!

Иди, святой!
Расстанься с небом без печали
И землю грешную укрой,
Чтоб стала, как была вначале.
Тогда, спасенные, и мы
Воображеньем, богом данным,
Увидим посреди зимы
Небесный огонь над Иорданом.

1993

Кавказ

Безветрие. Безмыслие. Лишь взору
Дано блуждать по этой высоте.
Безмолвны и величественны горы,
Непонятые нами в суете.

Кто разгадает гордую их душу?
Они манят. Но мы уже не те.
И остается посмотреть, послушать
И поучиться этой красоте.

И, возвратившись к нашей жизни трудной,
К вещам, к работе, спальне и плите,
Пойдем в одно безветренное утро,
Что жизнь не та. И мы совсем не те.

1973

«Увидим посреди зимы...»

Так по-бабьи вернулось лето,
В платье розовое одето.
А уже возле клена в восемь
Я свиданье назначил осени.

Так по-бабьи вернулось лето,
Все в клочки – времена и числа.
Чудом спрятать успел штиблеты,
Что к свиданию я начистил.

Так по-бабьи вернулось лето,
Ярким жаром меня терзая.
Что же? Снова блеснуть глазами
От заката и до рассвета?

Ну зачем же, капризное лето,
Нарушаешь ты планы поэта?

1967

«Териоки мои, Териоки...»

Вот жёлтую кисть пейзажист
Нацелит сурово и метко
Прилипнет берёзовый лист
К едва прорисованной ветке.

Он здесь остаётся навек,
Он будет дрожать, не слетая...
Ты видишь теперь, человек,
Что осень и впрямь золотая?

1981

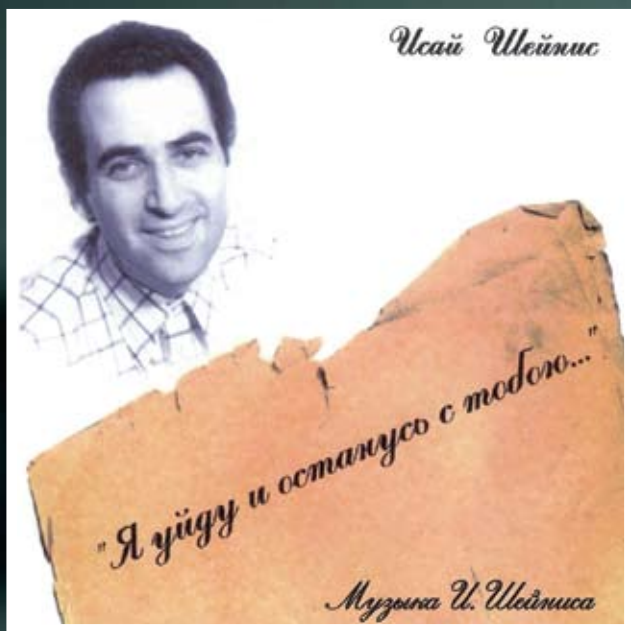
Осенью в поезде

Видны в окно верхушки сосен.
(А зелень небесам - к лицу!)
Нарядный день... Сегодня осень
Прощальный бал дает в лесу.

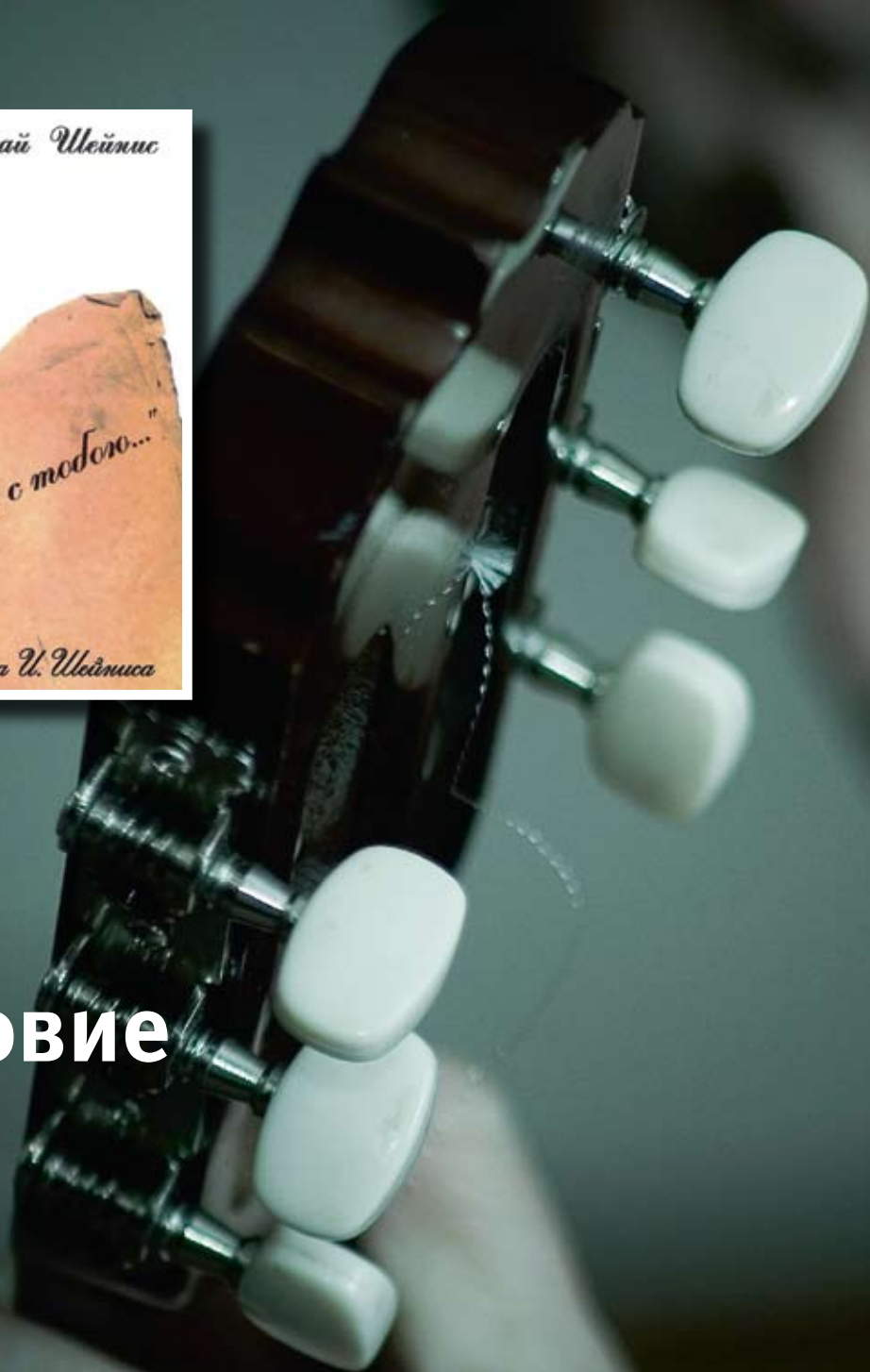
Гремит невидимый оркестр,
Готовы пары. И вот-вот
Они, смеясь, рванутся с места
В зелено-желтый хоровод.

И, кажется, что пара сосен
Заденет платьем по лицу...
Последний день. Сегодня осень
Прощальный бал дает в лесу.

1967

Послесловие

ПЕСНЯ О ЗЕЛЕНОГОРСКЕ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

Dm Gm

I. Вот мой го - род не яр - кий, не бро - ский,

A Dm

вот си - ре - нью о - ку - тан - ный дом.

Gm

В э - тих у - лоч - ках зе - ле - но - гор - ских

A Dm

каж - дый ку - стик мне с дет - ства зна - ком.

Припев D Gm

Те - ри - о - ки мо - и, те - ри - о - ки,

C F

то - нет солн - це во - зе - рах глу - бо - ких,

Gm A

и на про - се - ках зе - ле - но - о - ких

Dm

до - брый мир о - бре - та - ет ду - ша.

Те - ри - о - ки, мой го - род зе - ле - ный,
 шепчет ве - тер бе - ре - зам и кле - нам,
 бу - дет здесь Пе - тер - бург об - но - влен - ный,
 ста - нет жизнь на - всег - да хо - ро - ша.

1. Вот мой город не яркий, не броский,
 Вот сиренью окутанный дом.
 В этих улочках зеленогорских
 Каждый кустик мне с детства знаком.

Припев:

Териоки мои, Териоки,
 Тонет солнце в озерах глубоких,
 И на просеках зеленооких
 Добрый мир обретает душа.

Териоки, мой город зеленый,
 Шепчет ветер березам и кленам,
 Будет здесь Петербург обновленный,
 Станет жизнь навсегда хороша.

2. Выхожу я на берег залива.
 Старый парк освещает луна.
 Подбирается неторопливо
 Прямо к сердцу морская волна.

Припев.

3. Элетрички привычное эхо,
 И рассвет над лесной тишиной.
 Никуда не уйти, не уехать —
 Это все неизменно со мной.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЦВЕТУЩЕМ МАЕ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Мой друг, ты по-мнишь ли тот май-ский ве-чер,
как мы с то-бо-ю шли звез-де на встре-чу?
А в пар-ке над ре-кой хра-ни-лась тай-на,
ор-ке-стр ду-хо-вой и-грал наш та-нец.
Там па-па-рам, там там та-ра-дам,
там да-ра-та-ра-та-ра, та-рам-там-там, там-там-та-
рам, там та-ра-рам. *Привет* Цве-ту-щий май—си-рень впле-та-ет ле-пест-

ки в твои се - ре - бря - ны - е ко - сы. Цве - ту - щий
 А
 май — в мо - ей ру - ке тво - я ру - ка, и я шеп - чу: «Не от - ни - май».
 Dm
 Я по - ни - ма - ю лишь те - перь, ког - да не - ле - по за - ок - ном ма - я - чит
 Gm A
 о - сень, я по - ни - ма - ю лишь те - перь, как - им е -
 1. Dm 2. Dm
 дин - ствен - ным он был, цве - ту - щий май. цве - ту - щий май.

1. Мой друг, ты помнишь ли тот майский вечер,
 Как мы с тобою шли звезде на встречу?
 А в парке над рекой хранилась тайна,
 Оркестр духовой играл наш танец.

Тампампарарам, тамтамтарадам, тамдаратаратара,
 Тарамтамтам, тамтамтарам, тамтарарам.

2. Мы верили мечте и вдаль смотрели.
 Может, ветры те не постарели?
 А вдруг оркестр тот еще играет?
 А вдруг сирень цветет не только в мае?

Привет.

Привет:

Цветущий май — сирень вплетает лепестки в твои серебряные косы,
 Цветущий май — в моей руке твоя рука, и я шепчу: «Не отнимай».
 Я понимаю лишь теперь, когда нелепо за окном маячит осень,
 Я понимаю лишь теперь, каким единственным он был цветущий май.

ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ВАЛЬС

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Ведь э - то же мы, ста - рик, от - кры - ли за - кон про - стой: о
ка - ждом вос - хо - де крик, о ка - ждом за - ка - те сон. Что - бы
кто - ни - будь не за - был, от - ку - да он был и есть, о
каж - дой бы - лин - ке был, о каж - дой вет - рин - ке весть, о
каж - дой бы - лин - ке был, о каж - дой ве - трин - ке весть. Тай - ла -
ла - ла - ла - ла, ла - ла - лай - ла, тай - ла - ла - ла - ла -

1.2. *G m*
- ла, ла - ла - ла.

3. *G m*
//ла - ла - ла - ла - ла - ла -

G *C m* *G m* *D* *G m*
- ла, о каж - дой бы - лин - ке быть, о каж - дой ве - трин - ке весть.

1. Ведь это же мы, старик, открыли закон простой:
О каждом восходе крик, о каждом закате сон.
Чтобы кто-нибудь не забыл, откуда он был и есть,
О каждой былинке быть, о каждой ветринке весть. — 2 раза

Тайлалалалала лалалайла,
Тайлалалалала лалала.

2. А кажется счастья нет, нахлынет волной тоска.
Скорее сосне сонет, скорее росе рассказ.
Чтобы кто-нибудь не забыл, откуда он был и есть,
О каждой былинке быть, о каждой ветринке весть. — 2 раза

Тайлалалалала лалалайла,
Тайлалалалала лалала.

3. Мы прожили миг не зря, был шелест крыла в ночи.
О жизни не петь нельзя, поэтому не молчи.
Чтобы кто-нибудь не забыл, откуда он был и есть,
О каждой былинке быть, о каждой ветринке весть. — 2 раза

Тайлалалалала лалалайла,
Тайлалалалала лалала.

ПИСЬМА ОТЦА

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Пи - сал он кра - си - во, чи - сто, я по - мню все на - и -
- зуть: «Сы - нок, ра - зо - бьем фа - ши - ста, и
я к те - бе вер - нусь». Тог - да мне ве - ри - лось
про - сто, не ду - мал я ни о чем. Фу - фай - ку на - дев не по
ро - сту, го - нял - ся за мя - чом. Там - там, та - ра -
- дам - там, та - ра - дам - там - там - там.

3. С тех пор я в пись-ма не ве-рю и быст-ро ре-шать нес ру-
ки. Бы-ла бы по-бе-да в ап-ре-ле, я был бы сов-сем дру-
гим. Там - там, та-ра-дам - там, та-ра-дам - там - там - там.

1. Писал он красиво, чисто, я помню все наизусть:
«Сынок, разобьем фашиста, и я к тебе вернусь.»
Тогда мне верилось просто, не думал я ни о чем.
Фуфайку надев не по росту, гонялся за мячом.
Тамтам, тарадамтам, тарадамтамтамтам.
2. Проблемы решались прытко, некогда было страдать.
«Смотри, от отца открытка», — в слезах говорила мать.
Открытки прочитывал быстро и ночью шептал наизусть:
«Сынок, вот добьем фашиста, и я к тебе вернусь».
Тамтам, тарадамтам, тарадамтамтамтам.
3. С тех пор я в письма не верю и быстро решать не с руки.
Была бы победа в апреле, я был бы совсем другим.
Тамтам, тарадамтам, тарадамтамтамтам.

Я БУДУ СКАКАТЬ...

Стихи Н. РУБЦОВА

Музыка И. ШЕЙНИСА

1. Я бу - ду ска - кать по хол - мам за - дре - мав - шей От -

- чиз - ны, не - ве - до - мый сын у - ди - ви - тель - ных воль - ных пле -

- мен. Как пре - жде ска - ка - ли на го - лос у - да - чи ка -

- приз - ный, я бу - ду ска - кать по сле - дам ми - но - вав - ших вре -

- мен. И храм ста - ри - ны у - ди - ви - тель - ный бе - ло - ко - лон - ный

про - пал, как ви - де - нье, меж э - тих по - мерк - ших по - лей.

Не жаль мне, не жаль мне рас - топ - тан - ной цар - ской ко - ро - ны,

1, 3. D Gm

но жаль мне, но жаль мне раз - ру - шен - ных бе - лых цер - квей.

2. D

От - чиз - на и во - ля, о - стань - ся, мо - е бо - же - ство.

1. Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен.
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен.
И храм старины удивительный белоколонный
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей.
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей.
2. О сельские виды, о, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел под куполом синих небес.
Боюсь я, боюсь я, как сильная, вольная птица
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес.
Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду на могилы,
Отчизна и воля, останься, мое божество.
3. Я буду скакать, не нарушив ночное дыхание,
И тайные сны прибрежных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.
Россия, как грустно, как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои.
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Стихи Н. РУБЦОВА

Музыка И. ШЕЙНИСА

1. Звез - да по - лей во мгле за - ле - де - не - ла,
о - ста - но - вив - шись, смо - трит в по - лы - нью.
Уж на ча - сах двен - над - цать про - зве - не - ло,
и сон о - ку - тал Ро - ди - ну мо - ю. Звез -
да по - лей, ми - ну - ты по - тря - се - ний, я
вспо - ми - нал, как ти - хо за - то - нул. О -
на го - рит над зо - ло - том о - сен - ним, о -

на го-рит над зим - ним се - ре - бром. О -

-на го-рит над зо - ло - том о - сен - ним, о -

-на го - рит над зим - ним се - ре - бром.

1. Звезда полей во мгле заледенела,
 Остановившись, смотрит в полынью.
 Уж на часах двенадцать прозвенело,
 И сон окутал Родину мою.
 Звезда полей, минуты потрясений,
 Я вспоминал, как тихо затонул.
 Она горит над золотом осенним,
 Она горит над зимним серебром. } 2 раза

2. Звезда полей горит, не угасая,
 Для всех тревожных жителей Земли,
 Своим лучом приветливым касаясь
 Всех городов, поднявшихся вдали.
 Но только здесь, во мгле заледенелой
 Она восходит ярче и полней.
 И счастлив я, пока на свете белом
 Горит, горит звезда моих полей. } 2 раза

КАЛУЖСКИЙ ВАЛЬС

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

(Закр. рот)

Dm A Dm D

Gm Dm

A Dm A Dm

Dm

I. На древ - них хол - мах так при - воль - но рас -

- ки - ну - лась ты, се - ре -

- бря - ной лен - той О - ки под - по - я -

- са - на. Ка - лу - га, е -

D Gm

- дин - ствен - ный го - род мо - ей меч - ты,

те - бя я по - ки - нул на -

А
- прас - но, те - перь э - то ста -

В \flat А Dm *Притив* Gm
- ло так яс - но. Ка - лу - га,

Dm
Ка - лу - га, Ка - лу - га, где солн - це гу -

А
- ля - ет по кру - гу, где ве - тер над

Dm D
бо - ром у - пру - го со мной по - ет.

Gm
Ка - лу - га, Ка - лу - га, Ка -

Dm
- лу - га, двух у - лиц тот па - мят - ный

А
у - гол, ру - ка за - ка - дыч - но - го дру - га ме -

«Териоки мои, Териоки...»

Chord symbols: B \flat , A, Dm, Gm, Dm, D, Gm, Dm, A, B \flat , A, Dm.

1. На древних холмах так привольно раскинулась ты,
Серебряной лентой Оки подпоясана.
Калуга, единственный город моей мечты,
Тебя я покинул напрасно,
Теперь это стало так ясно.

Притив:

Калуга, Калуга, Калуга, где солнце гуляет по кругу,
Где ветер над бором упруго со мной поет.
Калуга, Калуга, Калуга, двух улиц тот памятный угол,
Рука закадычного друга меня спасет.
Ла-ла-ла...

2. Ты каменный мост проложила нам в прошлое,
Ты в космос взлетела с обрыва над Яченкой.
И детство мое на безоблачной площади,
В гостинных рядах где-то прячется
С лаптой и резиновым мячиком.

Притив:

Калуга, Калуга, Калуга, одну окажи мне услугу —
Дай солнцу скатиться по лугу, развеять грусть.
Калуга, Калуга, Калуга, разлукой я зря был напуган.
К тебе, все простившему другу, вернусь, вернусь.
Ла-ла-ла...

БУБЕН

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Наш век бе - жит по Млеч - но - му пу - ти, и
 жре - бий твой и мой у - же из - ме - рян, а мы е - ще на - де - ем - ся и
 ве - рим, что мож - но по - счаст - ли - ве - е най - ти. *Привет* И
 пусть под не - и - сто - вый бу - бен раз - ве - ет - ся на - ша бе - да. Мы
 ночь э - ту греш - ны - ми бу - дем, по - ка до - го - ра - ет звез -
 - да, по - ка до - го - ра - ет звез - да.

1. Наш век бежит по Млечному пути,
 И жребий твой и мой уже измерян,
 А мы еще надеемся и верим,
 Что можно посчастливей найти.

Привет:

И пусть под неистовый бубен
 Развеется наша беда.
 Мы ночь эту грешными будем,
 Пока догорит звезда, пока догорит звезда.

2. Любовь — из солнца скрученная нить,
 Не так вплеталась в жизнь, как нам хотелось.
 И что-то не сложилось, не сплелось,
 Но только, чур, друг друга не винить.

Привет.

3. Все пропадом и в звезды головой,
 Не возратить истраченное время.
 Прости, что было мало озарений.
 Зову тебя я в звезды с головой.

Привет.

ЦЫГАНСКИЙ ТАНЕЦ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Цы - ган - ский та - нец — не спе - ша, он на - чи - на - ет - ся как
буд - то, не по - ко - ря - ет - ся ко - му - то, и вдруг сры - ва - ет - ся ду -

Притив
- ша. Тог - да мой ми - лый креп - че креп - че за серд - це
гул - ко - е дер - жись, не то ра - стре - плют
э - ти пле - чи тво - ю на - ла - жен - ну - ю жизнь.

не то ра - стре - плют э - ти пле - чи тво - ю на - ла -
- жен - ну - ю жизнь. 2. Пля - ши, по - ку - да хва - тит сил ги - та - ра

A Dm D Gm
 петь не пе - ре - ста - нет. Пусть ста - нет пла - ме - нем твой

Dm A Dm Gm
 та - нец, ты сво - и о - чи не га - си. Я уз - кий гриф

Dm A Dm
 как уз - кий стан ру - ко - ю неж - ной об - ни - ма - ю. Пля - ши все

Gm Dm A Dm *Припев*
 то, о чем меч - та - ю, пля - ши, кру - жись и ря - дом встань. Ла - ла - ла...

A Dm A Dm
 1. Dm

2. Dm Gm Dm A
 3. Е - ще не позд - но, о - ша - лей, е - ще и серд - це

Dm Gm Dm
 не о - сты - ло и не жа - лей о том, что бы - ло,

«Териоки мои, Териоки...»

The image shows a musical score for the song 'Териоки мои, Териоки...'. It consists of three staves of music in a key signature of one flat (B-flat major/D minor) and a 3/4 time signature. The first staff contains the vocal melody with lyrics: 'о том, что не бы - ло жа - лей. Ла - ла - ла...'. Above the notes are chords: A, Dm, and A. The word 'Привет' is written above the second measure. The second staff continues the melody with lyrics: 'о том, что не бы - ло жа - лей. Ла - ла - ла...'. Above the notes are chords: Dm, A, and Dm. The third staff contains a guitar accompaniment with a double bar line and repeat sign. Above the notes are chords: D, Gm, Dm, A, and two boxes labeled '1. Dm' and '2. Dm'.

1. Цыганский танец — не спеша,
Он начинается как будто,
Не покоряется кому-то,
И вдруг срывается душа.

Привет:

Тогда, мой милый, крепче, крепче
За сердце гулкое держись,
Не то растреплют эти плечи
Твою налаженную жизнь.

2. Пляши, покуда хватит сил,
Гитара петь не перестанет.
Пусть станет пламенем твой танец,
Ты свои очи не гаси.

3. Я узкий гриф как узкий стан
Рукою нежной обнимаю.
Пляши все то, о чем мечтаю,
Пляши, кружись и рядом встань.
Ла-ла-ла...

4. Еще не поздно, ошалею,
Еще и сердце не остыло,
И не жалею о том, что было,
О том, что не было жалею.
Ла-ла-ла...

КАПИТАН

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Ты спря - чешь ве - тер, вы - пу - стишь ту - ман, о -
 ста - нет - ся с то - бо - ю ка - пи - тан. Он сам пой - мет, что ну - жен э - тот
 штиль, так мно - го бы - ло бурь и мно - го миль. Он сам пой -
 мет, что ну - жен э - тот штиль, так мно - го бы - ло бурь и мно - го миль.

1. Ты спрячешь ветер, выпустишь туман,
 Останется с тобою капитан.
 Он сам поймет, что нужен этот штиль, } 2 раза
 Так много было бурь и много миль.

2. Как море для него твоя краса,
 От ревности желтеют паруса,
 И зеленеет якорь от обид,
 Матросы пьют — корабль совсем забыт. } 2 раза

3. Но ты уснешь — рассеется туман,
 На сонный берег выйдет капитан.
 Вздохнув, как ветер, встанет у руля.
 Зачем теперь нужна ему земля? } 2 раза

КАССИОПЕЯ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. По - че - му ни - ког - да мы не пе - ли
про со - звез - ди - е Кас - си - о - пе - и?
Мо - жет быть там на звез - доч - ке даль - ней,
как Зем - ля на - ша про - вин - ци - аль - ной,
ти - ши - на по - сле зим - них ме - те - лей?

1. Почему никогда мы не пели
Про созвездие Кассиопеи?
Может быть там на звездочке дальней,
Как Земля наша провинциальной,
Тишина после зимних метелей?

2. Может быть там такие же двое
Смотрят в небо свое голубое
И поют о земле нашей песни?
Может быть в них слова интересней,
Нарекли нашу Землю звездой?

3. Будь по-твоему — нет этой пары.
Все придумано старой гитарой.
Но тебя неужели не греет
Свет созвездия Кассиопеи,
От Вселенной лучистый подарок?

ОЗЕРО ДОЛГОЕ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. О - зе - ро Дол - го - е, е - ли без - молв - ны - е,
 е - ли без - молв - ны - е ис - кры ко - стра.
 Бы - ли мы мо - ло - ды, о - зе - ро Дол - го - е,
 бы - ли мы мо - ло - ды толь - ко вче - ра.
 Бы - ли мы мо - ло - ды толь - ко вче - ра.

1. Озеро Долгое, ели безмолвные,
 Ели безмолвные, искры костра.
 Были мы молоды, озеро Долгое,
 Были мы молоды только вчера. — 2 раза

2. Озеро Долгое — струнные всполохи,
 Струнные всполохи — вальс до утра.
 Были мы молоды, озеро Долгое,
 Были мы молоды только вчера. — 2 раза

3. Озеро Долгое — облако гордое,
 Облако гордое — с небом игра.
 Были мы молоды, озеро Долгое,
 Были мы молоды только вчера. — 2 раза

РОМАНС О СРЕДНЕРУССКИХ ГОРОДАХ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Из род - но - го гнез - да мы с то - бой у - же дав - но у - ле -
- те - ли, не на - ста - ла ли по - ра нам во -
- брат - ный от - пра - вить - ся путь. Со - би - рай - ся, се - стрич - ка, быть
мо - жет на э - той не - де - ле мы с то - бой по - ле -
- тим, толь - ко нуж - но по - глуб - же вздох - нуть.

1. Из родного гнезда мы с тобой уже давно улетели,
Не настала ли пора нам в обратный отправиться путь?
Собирайся, сестричка, быть может на этой неделе
Мы с тобой полетим, только нужно поглубже вздохнуть.
2. Мы покружим вдвоем над вершинами нашего детства.
Мы опустимся ниже, вот церковь и старенький дом.
И тогда ты поймешь, что от этого некуда деться
Ни сейчас, ни сегодня, ни завтра, ни даже потом.
3. С высоты нашей жизни все прошлое кажется проще,
И река неширокой, и город совсем небольшим.
Лишь слышнее становится запах березовой роши,
Что была за мостом, помнишь, он назывался «живым»?
4. Все потом повторялось, а здесь это было впервые,
И любовь, и надежды, и свет в материнском окне.
То не башни церковные шлют нам лучи золотые,—
Купола нашей юности блещут в закатном огне.

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЯ С ТОПОЛЕЙ

Стихи Н. РУБЦОВА

Музыка И. ШЕЙНИСА

У-ле-те-ли ли-стья с то-по-лей, по-вто-ри-лась в ми-ре не-и-
 беж-ность. Не жа-лей ты ли-стья, не жа-лей,
 а жа-лей лю-бовь мо-ю и неж-ность. Пусть де-ре-вья го-лы-е сто-
 ят, не пленя-т и шум-ны-е ме-те-ли.
 Раз-ве в э-том кто-то ви-но-ват, что с де-ре-вьев ли-стья у-ле-те-ли?
 Раз-ве в э-том кто-то ви-но-ват, что с де-ре-вьев ли-стья у-ле-те-ли?

Улетели листья с тополей, повторилась в мире неизбежность.
 Не жалея ты листья, не жалея, а жалея любовь мою и нежность.
 Пусть деревья голые стоят, не пленяют и шумные метели.
 Разве в этом кто-то виноват, что с деревьев листья улетели? — 2 раза

ЭТО БЫЛО ПОД ГРОДНО

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Э то бы - ло под Грод - но, э - то бы - ло под
Тал - лин - ном. у - ми - ра - ли за Ро - ди - ну, шли ва -
- та - ку за Ста - ли - на. Нет те - перь по - лу -
- стан - ка, как он был не - из - бе - жен. Ры - ли
рвы про - тив тан - ков, о - ка - за - лось — се - бе же.

1. Это было под Гродно, это было под Таллинном.
Умирали за Родину, шли в атаку за Сталина.
Нет теперь полустанка, как он был неизбежен.
Рыли рвы против танков, оказалось — себе же.

2. Это было под Курском, это было под Харьковом,
Перед смертью по-русски хари рыхлые харкали.
Мимо дома на запад, мимо дома к Японии.
Ты прости меня, папа, что тебя я не помню.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Пе-ре-вя-за-ны чер-ным пра-вый глаз и ду-
 ша. На-ша шху-на про-вор-на, на хо-ду хо-ро-
 ша. Без при-ю-та и кро-ва, мы пи-том-цы мо-
 рей, ждет нас о-стров со-кро-вищ три-ста ты-сяч чер-тей.

1. Перевязаны черным правый глаз и душа.
 Наша шхуна проворна, на ходу хороша.
 Без приюта и крова, мы питомцы морей,
 Ждет нас остров сокровищ, триста тысяч чертей.
2. Этот голос мне снится ночи все напролет.
 Словно белая птица «Испаньола» плывет.
 Все сильнее ветер с юга в тряпки рвет паруса.
 Я по-прежнему юнга, песня спета не вся.
3. Кружка рома на брата, нужно пить до конца,
 И пятнадцать пиратов на сундук мертвеца.
 Вот и черная метка на ладони моей.
 Верю в преданность ветра, справедливость морей.
4. Я от пули закрою сердце друга своим.
 Только остров сокровищ не достанется им.
 Так хлещи ветер с юга, наша радость близка.
 Я по-прежнему юнга, седина на висках.

ЛЕТИ, ДУША!

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

The musical score is written in G minor, 6/8 time. It consists of six staves of music with lyrics in Russian. The lyrics are: "1. Ле - ти, ду - ша мо - я, ле - ти сво - бод - на - я от о - бо - лоч - ки. Ле - ти, я не су - мел прой - ти наш путь до са - мой даль - ней точ - ки. Ле - ти, я не су - мел прой - ти наш путь до са - мой даль - ней точ - ки." The score includes various chords: Dm, Gm, C, F, A, Bb, and Dm. There are also some performance markings like '2' with arrows indicating fingerings.

1. Лети, душа моя, лети свободная от оболочки.
Лети, я не сумел пройти наш путь до самой дальней точки. — 2 раза
2. Я рад, что грянул праздник твой, когда в саду пьяно от вишни.
Но в грустный день день сороковой не торопись подняться выше. — 2 раза
3. Увидишь, тучу пережда, как полетит с ограды птица,
И каплей светлого дождя слеза твоя ко мне скатится. — 2 раза

Я УЙДУ И ОСТАНУСЬ С ТОБОЙ

Музыка и слова И. ШЕЙНИСА

1. Ког - да у - тром пой - ду на вой - ну, на пле -
 - че у ме - ня по - ви - сны. Я о -
 - ставлю те - бя од - ну сре - ди снов и су -
 - ро - вых ис - тин. Я по - гиб - ну, а ты все
 жди, и не верь, и не плачь на
 лю - дях. Если сын, — ты е - го прово -
 - ди. Я кля - нусь, он счаст - ли - вей бу - дет.

1. Когда утром пойду на войну,
 На плече у меня повисни.
 Я оставлю тебя одну
 Среди снов и суровых истин.
 Я погибну, а ты все жди,
 И не верь, и не плачь на людях.
 Если сын, — ты его проводи.
 Я клянусь, он счастливей будет.

2. Он вернется домой с войны
 Невредимым, живым, здоровым.
 Для его молодой жены
 Пусть не будет наш дом суровым.
 Не плачь, еще целая ночь
 И три дня до последнего боя.
 Я сумею тебе помочь.
 Я уйду и останусь с тобою.

ГЕННАДИЙ ПОНОМАРЁВ – ВЫПУСКНИК 1963 ГОДА

12 АПРЕЛЯ 1961

День этот с утра был самым обычным в череде наших интернатских буден. Разве что добавлял настроения тем, что ещё одним днём удалял нас от надоевшей зимы и приближал к замечательному времени, когда земля окончательно освободится от снега, просохнет и можно будет хоть до позднего вечера погонять на площадке мяч или резаться в волейбол; а там, глядишь, и до летних каникул рукой подать.

Шел урок математики. Скорее всего, он был уже не первым в этот день. В классе стояла столь любимая Варварой Семёновной звонкая тишина - слышно было, как линейки скользят по тетрадным, как у кого-то ломается грифель карандаша, как поскрипывают ученические перья. Варвара чертила на доске очередную теорему. Рука её только-только потянулась вверх, к самой кромке доски, когда дверь шумно распахнулась, и на пороге появился Исай Наумович. В плаще, со свёрнутой в руке газетой. В глазах - какой-то радостный блеск...

Варвара Семёновна застыла словно в немой сцене, так что ни один бы Станиславский не придрался - ещё бы, никому не было позволено нарушать тишину и средоточение в её математическом царстве, а тут - её коллега, столь бесцеремонно... Во всяком случае, для этого должны были быть какие-то веские причины.

Исай слегка наклонился ко всё ещё замершей с мелом в руке Варваре и что-то корот-

ко ей сказал. Та, похоже, чисто машинально кивнула головой.

Исай сделал шаг вперёд и голосом, в котором чувствовалось радостное возбуждение, сказал: «Ребята! Наши - в Космосе!» и после короткой паузы добавил: «Можно крикнуть «Ура», только тихо...».

Многоголосое громогласное «Ур-р-а-а-а!» тотчас же взметнулось над нашими головами, наполняя кубометры классной комнаты этим радостным кличем и вырываясь в форточки, в щели под дверями, в замочные скважины. И вскоре уже по коридору зацокали каблучки - в класс поочередно заглядывали учителя, чтобы узнать, что такое стряслось. Исай с Варварой ещё пробовали поначалу сдерживать наш бешеный восторг, но ему не было предела. А учителя из других классов уже торопились понести это всеобщее ликование дальше, и вскоре уже вся школа наполнилась этой вырывающейся наружу радостью. Безудержное «Ур-р-а-а-а!» перекатывалось по школе несколько минут, вспыхивая внезапной радостью подобно залпам салюта...

Я очень люблю этот портрет Исаия – молодой, в своём плаще «болонья», со свёрнутой в руках газетой - мне он очень напоминает именно тот день и того Исаия, и ту необычайную радость, которую он нам в тот день принёс. Таким мы его в большинстве своём и запомнили: восторженным, с живыми глазами, спешащим поделиться самым сокровенным...

ГЕННАДИЙ ПОНОМАРЁВ – ВЫПУСК 1963

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПЕСНИ

Через несколько лет после нашего выпуска (при этом наши традиционные вечера встреч не прекращались) Исай перебрался работать в Зеленогорский интернат. Там, в Зеленогорске, он открыл для себя потрясающую природу Карельского перешейка и поделился с нами этими открытиями. Он несколько раз организовывал походы в Семиозерье, после чего мы уже не мыслили себя без этих летних походов, в течение нескольких лет проживая все выходные под зелёным покровом семиозерских лесов.

Но однажды мы то ли опоздали на наш автобус, то ли попросту не смогли в него влезть всей честной компанией – в общем, остались на остановке в полной растерянности – ведь следующий автобус по

расписанию был только через 4 часа, и не было никаких гарантий, что на него-то мы попадём. И тогда Исай, который на этот раз пришел к остановке нас навестить, сказал: «Унывать не стоит. Давайте я вас отвезу на Красавицу или озеро Долгое». Он уточнил, какие автобусы туда идут, а вскорости как раз один из этих автобусов и подъехал. Мы, что называется, загрузились, и, как всегда, с песнями понесли в неизведанное. Видимо, немного увлеклись и проскочили неизвестную нам развилку.

«Ну, что ж, - сказал Исай, - на Красавицу в этот раз не попадём - поедем на Долгое». Мы, попытав какого-то аборигена с козой, прошли километра полтора и вышли на берег озера, действительно простирившегося за горизонт нашего обзора. Ближе к той стороне, откуда мы пришли, виднелся маленький аккуратненький островок. Все берега этого озера, в отличие от сосновых семиозёрских, были покрыты елями, высокими и красивыми елями. Мы разбились привал, Исай спел пару песен и стал собираться назад. А мы стали его упрашивать, чтобы он не уезжал. И Исай сказал, что обещать не будет, но постарается вернуться.

И, действительно, через пару часов он приехал. Да не один – за ним шла худенькая темноволосая девочка лет восьми, в которой мы не сразу узнали Катю.

Людмила Николаевна поначалу не хотела Катю отпускать - боялась, что она простудится ночью. Но Исай убедил, что ночь будет не такая уж и длинная - «Мы будем полночи петь у костра».

И в эту быстро наступившую ночь все старались. Концерт получился славный, гитару брали в руки все, кто умел хоть что-то изображать. Потом ребята, расхрабрившись, прыгали через костёр; а позже, уже когда и Луна готовилась ко сну, Исай играл на гитаре какой-то вальсок, а ребята с девчонками кружились в танце. Наконец, далеко за полночь все разбрелись по палаткам. Горевшие вокруг озера костры доживали последние ночные минуты. Влюблённые парочки смачно чмокались в наступившей тишине.

Утром Исай рано повёз Катю назад, «от греха подальше». А, может быть, и вправду, боялся застудить. Мы всей гурьбой пошли их провожать до дороги. Глаза у Кати светились, она беспрестанно оборачивалась и махала нам рукой.

Позже Исай рассказывал, что Кате поход понравился, и она часто вспоминала и тот ночной концерт, и вальс у костра...

Прошло много лет. У нас у самих уже подрастали дети, в походы мы уже давно не ходили, а только с потаённой грустью их всякий раз вспоминали на своих традиционных февральских встречах. И вот как-то раз Исай пришёл на встречу с новой песней. Слова у песни были необычайно простыми:

Озеро Долгое, ели высокие,
Ели высокие, искры костра...
Были мы молоды, озеро Долгое,
Были мы молоды только вчера...

но так они были созвучны нашим воспоминаниям, так замечательно уводила нас обратно в юность эта замечательная мелодия, что казалось, что мы снова собрались у костра, над нашими головами вновь мигают в сгущающихся сумерках звёзды и туда же, к еловым верхушкам, вместе с дымом улетают искры костра. И Исай, молодой и задорный, наигрывает на гитаре вальсок, а на фоне освещаемых костром елей кружатся, кружатся пары...

Ах, озеро Долгое - были мы молоды... Только вчера.

НАТАЛЬЯ СМИРНОВА, ВЫПУСК 1963

Друзьям

Нам солнце сияло.
Мы знаем теперь,
Что этого мало –
Без дружбы! Поверь!

Река, перекаты,
Дороги – пути...
Красивы закаты,
Но ночь освети.

Костер настоящий
Под песни до звезд.
Сам воздух пьянящий
И выверен тост:

– За Дружбу! За дружбу!
За верных друзей!
Не в службу, а в дружбу –
Споем веселей!

2008

Их светлые, светлые лица,
Наш детский щебет речей...
В чудесном сне пусть приснится
Простой серебристый ручей.

Он так легко все напомним.
И в хмурый осенний день
Мечтами, счастьем наполнит,
Чтоб снова в путь, чтоб не лень –

На озеро Голубое,
На встречу в тени аллея,
Где с нами всегда вы – двое,
Из лучших Учителей.

2007

ГОРНАЯ АНТОНИНА, ВЫПУСК 1974

Наше многочисленное семейство Горных переехало в Зеленогорск из Песочной в 1959 году. Старший брат Николай в 1960 году пошел в первый класс в 48-ю школу-интернат. Когда он учился в старших классах, в интернат пришел работать Исай Наумович Шейнис. И хотя пятеро из восьми детей-Горных учились в интернате, Исай Наумович только у меня был учителем, все остальные знали его как завуча школы.

Самое сильное из первых школьных впечатлений об Исае Наумовиче, что сразу всплывает в памяти – как Исай Наумович пришел к нам на урок в первый класс (это наверно из тех его проверок как завуча школы) и сел рядом со мной за парту. Я от волнения плохо соображала, стучало в голове и в сердце, смесь испуга

с уважением была настолько сильной, что у меня даже температура поднялась. Потом он частенько садился рядом со мной на своих проверках, и как-то постепенно я к этому «столбняку» попривыкла. Еще один «стресс» из начальной школы – вручение букета цветов завучу на 1 сентября. Делалось это так: как из-под земли возникла дежурная воспитательница с роскошным букетом громадных гладиолусов и подталкивала меня в спину в направлении трибуны со словами «подаришь - как самая высокая девочка - самому высокому учителю».

Когда мы перешли в пятый класс, Исай Наумович начал преподавать у нас «Русский язык» и «Литературу». Он был очень строгим учителем, но никогда не повышал голоса, умел держать паузу, и хотя мы все боялись его, но уважали безмерно и очень любили его уроки. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что все мое трепетное отношение к печатному слову, любовь к русской литературе в особенности, привито именно в школе. А знаменитый роман в стихах И.Н. Шейниса «Урок литературы в 8 классе», который он подарил нам на выпускном вечере, был написан после «прохождения» нашим классом «Евгения Онегина» - там все правда, так часто и бывало на его уроках, Исай Наумович так интересно рассказывал, читал, мы слушали затаив дыхание и немели. Помню один прекрасный розыгрыш: в восьмом классе перед выпускными экзаменами мы писали диктант по русскому с обилием словарных слов, Исай Наумович после его проверки показал нам тот же диктант, который мы писали в пятом классе, он, оказывается все их хранил. Не помню, как у других, а у меня была та же самая ошибка (соломенка).

К нам в пятый класс пришла воспитателем Тамара Александровна Рябченко. Она была острой на язычок, и мы поначалу все обижались и бегали жаловаться Иде Григорьевне Копыловой – нашей первой учительнице. Тамара Александровна нам спуска не давала, приучала к труду. Помимо классных часов и внешкольных мероприятий (мы с ее помощью оформляли школьный «музей космонавтов», проводили экскурсии в «музее Ленина»), мы часто гуляли с ней вечерами по зеленогорским окрестностям и разговаривали обо всем, Тамара Александровна как родная мать учила нас дружбе, взаимовыручке, ответственности, развивала наши вкусы. А летом каждый год мы с ней ходили в походы – изучали красоту родного края - Линдуловская роща, Семиозерье, Ладога, Волхов, Ильмень, Волга, Селигер, Ока – это вам не фунт изюму! Деньги на проезд мы зарабатывали сами, всем классом работали на ставку дворника или посудомойки, а продукты Тамара Александровна ухитрялась «выписать» через интернатскую бухгалтерию.

В поход после 7-го класса с нами отправился Исая Наумович, наверное такой маршрут, (Новгород-Осташков-Калуга-Москва) они придумали с Тамарой Александровной неспроста, решили показать нам Калугу – свой город детства. Сейчас смешно вспомнить, а тогда нас очень волновало, как же звали Исаю в детстве? В Калуге они навещали знакомых, а мы ходили кругами вокруг кафе «Чебурашка» - все время хотелось есть. У Исаю Наумовича была с собой гитара, и он пел нам и на отдыхе, и «на марше». Мы бесконечно могли слушать «Журавлей», очень хорошо помню, как он вдруг заиграл нам на гитаре «Лунную сонату». Наше совместное походное житье необычайно сблизило нас с учителями, Исаю я перестала бояться именно после Калуги.

Исая и Тамара поженились, когда мы учились в восьмом классе, и мы, смеясь, называем свой выпуск «дитя любви». Я думаю, потому нам столько досталось тепла и любви, что оба они были влюбленные и нас одаривали, не скупясь.

Когда я заканчивала 8 класс, наша семья получила новую квартиру в Ленинграде, я поступила в архитектурный техникум, началась новая «взрослая» жизнь. Мы с ребятами из класса (Аней Калининой, Надей Ушаковой, Ольгой Солдатовой, Ритой Врублевской, Андреем Федоровым, Володей Пономаревым (всех не перечислить) продолжали поддерживать отношения с Тамарой и Исаем (мы за глаза их по-другому не называли), приезжали в Зеленогорск на дни рождения, один раз даже Новый год отмечали вместе. Дом на Комсомольской улице был всегда открыт для нас, Исая Наумович и Тамара Александровна не только выслушивали нас, но и помогали советами. Если Тамара была занята с маленьким Сашей, то мы «держали отчет» перед Исаем, а он всегда был неизменно доброжелателен, радушен, всегда с гитарой в руках и, боже мой, как он заразительно смеялся.

Я часто приезжала в Зеленогорск со старшими сестрами и их детьми погулять, подышать заливом и соснами, пройтись бывшим двором. Иногда встречали Исаю с Тамарой на улице или в парке, и каждый раз сестрицы называли его «самым красивым мужчиной Зеленогорска».

НАДЕЖДА ВАЛЕВСКАЯ (УШАКОВА), ВЫПУСК 1974

И все-таки, как ни говорите, а наш выпуск 1974 года – самый счастливый! Мы выросли на любви Тамары Александровны и Исая Наумовича. Мы видели, как они были бесконечно счастливы, а сердца их были наполнены добротой. Нет, их невозможно вспоминать каким-то жизненным эпизодом, в каждом слове они несли детям радость, для них не было чужой боли, чужих детей.

Интернат – это непростая школа. Школа – днем, а после школы – Дом. Тамара Александровна и Исая Наумович учили нас, чтобы дом был чистым, светлым, а нам, девчонкам всегда говорила, что в доме должно быть чисто, светло и всегда должно в доме вкусно пахнуть. Мы так хотели быть во многом похожими на них. Шесть человек из нашего класса научились писать почерком Тамары Александровны. Разве можно забыть эти прекрасные пушкинские и есенинские вечера, чтение стихов, исполнение песен до боли красивым голосом Исая Наумовича. Это они с 5 класса показывали нам красоту Семиозерья, поход по Ладоге – 45 км пешком с возложением цветов у каждого километра. А разве можно забыть красоту Селигера? С ними мы стояли у истока Волги...

В моей жизни память о Тамаре Александровне и Исая Наумовиче – самая светлая и благодарность им бесконечная. Когда мы закончили учебу в интернате, Тамара Александровна и Исая Наумович осенью приехали к нам в поселок Ленинское как будто на прогулку. Там я жила с бабушкой. Жили мы с ней трудно... Тамара Александровна обняла ее за плечи и сказала: «Александра Матвеевна, Надю надо учить, у нее есть желание. Отпустите ее, а мы поможем». Вот так в одночасье эти два прекрасных человека повернули мою судьбу. Они устроили меня уборщицей в Интернате, нашли маленький уголок, где бы я смогла жить. А в 16 лет вместе с моей первой учительницей «мамой Идой» - теперь все ее так называют – меня привели в магазин учиться на продавца. А потом я поступила в вечернюю школу. По окончании ее настояли, чтобы я училась дальше. Я поступила в техникум, закончила его, получила диплом. Прошла путь от ученика продавца до директора магазина. Встретила в жизни свою единственную любовь, попала в прекрасную семью. По долгу службы мужа мы колесили по стране 20 лет. Каждый год, приезжая в отпуск в Зеленогорск, ноги сами несли меня на улицу Комсомольскую... К людям, вложившим в меня частицу своего сердца...

У нас растет сын Николай, которому, как и его маме Наде, выпало великое счастье – учиться у Тамары Александровны.

Я благодарна судьбе, что она одарила нас – быть рядом с такими прекрасными людьми, Учителями великой души. Память о них всегда светлая и благодарность им бесконечная. Я преклоняюсь перед ними.

ТАТЬЯНА МОРОЗОВА (СИТНИКОВА) ВЫПУСК 1980

В копилку воспоминаний... В начале урока литературы Исай Наумович сказал, что сейчас мы пройдем в кинокласс и там продолжим. Нужно ли объяснять, почему все мы были безумно обрадованы! Кино –

на уроке!!! И даже сюжет не важен, ведь ни писать, ни у доски отвечать не придется! Мы очень любили кино во время уроков! Сбежались к киноклассу, ждем Исаю Наумовича. Он пришел и говорит: «А чего вы тут ждете? С первым апреля!!!» Вот такой он у нас, с юмором! И очень он любил всех своих ребят! Ведь не зря же в каждом его выпуске есть своя реликвия – подарок от любимого учителя – песня или даже целая поэма. И как же хватало этой любви на всех нас!? Какое же это чудесное благословение для нас, подарок на всю жизнь!... А еще мне очень нравится, как говорит мой одноклассник Валера Португальян: все плохое во мне – мое, все хорошее – от Исаи!

ЛЮБОВЬ ЯСКЕЛЯЙНЕН, ВЫПУСК 1980

«Отбой» с кефиром

Была у нас в классе очень вредная девочка (или нам казалось, что она такая вредная), мы решили, что нужно её как-то проучить. А в палате нас было человек восемь (или даже больше), вот мы всей палатой и договорились «преподать ей урок», как раз и случай удобный представился: эта девочка была дежурной в классе и, значит, в палату должна была вернуться позже нас всех, или даже после отбоя, а на полдник в тот день нам давали такие бумажные треугольнички с кефиром. План у нас тут же созрел: кто-то не выпил свой пакетик, и этот пакетик был подложен нашей вредине под простыню.

Настало время отбоя (а на отбое дежурил Исай Наумович), свет уже погашен, чёрное дело сделано, Ждём... Приходит наша бедолага, раздевается и садится на кровать (света-то нет, ничего не видно), пакет лопаётся, вся постель мокрая, а мы все как будто спим. Тишина... Она берёт мокрую простыню, выходит в коридор и там плачет.

Идёт Исай Наумович – видит, что его ученица плачет, спрашивает: «Что случилось?» Страдалица показывает ему мокрое бельё и рассказывает, что произошло. Учитель включает свет, входит в палату – все спят «богатырским сном». Он спрашивает: «Кто это сделал?» Мёртвая тишина... Снова звучит тот же вопрос, Мы как будто начинаем просыпаться, тереть глаза и прочее. В третий раз звучит тот же вопрос.

Тишина становится зловещей...

- Хорошо, - говорит Исай Наумович, - буду спрашивать поимённо:

- Такая-то, это ты сделала?

- ... Нет.

- Такая-то, это ты сделала?

- Нет.

- Такая-то, это ты сделала?

- Нет.

Таким образом, опросил большую часть палаты, дошла очередь до Миляевой:

- Миляева, это ты сделала?

- Да, - прозвучал ответ Миляевой, как «гром среди ясного неба».

Скоро моя очередь...«Ничего себе!» - думаю я. –

«Ведь все же договаривались, ведь ни у кого даже сомнений не возникло: быть может, не стоит этого делать!? А теперь получается, что Миляева придумала и осуществила всё это одна!» Мне становится не по себе. Ну, и, конечно, на вопрос:

- Яскеляйнен, это ты сделала? – ничего, кроме:

- Да, - я ответить уже не могла.

Тогда Исай Наумович сказал слова, которые врезались в память на всю оставшуюся жизнь: «Если вы совершили какой-то проступок, сделали гадость, то имейте смелость за это ответить!»

Больше тридцати лет прошло с тех пор, но и сейчас память живо рисует картину того вечера и слова педагога, которые тогда прозвучали. Как часто эти слова меня выручали в трудных жизненных ситуациях. Уже сама, став матерью, эти слова любимого учителя я не устаю повторять своей дочери, надеясь на то, что и её они не однажды уберегут от поступков, за которые потом бы пришлось краснеть.

СВЕТЛАНА КУХАРЕВА, ВЫПУСК 1984

Без предупреждения о том, что мне, маленькой девочке, выросшей на хуторе под Зеленогорском, предстоит учиться и жить в интернате целых шесть дней в неделю без родителей, далеко от дома, 1 сентября 1976 года меня определили в школу-интернат №48. На отбое я лежала под одеялом и тихо плакала от открывшегося обмана. Там и нашла меня первая учительница Копылова Ида Григорьевна. С ней была женщина неземной красоты с пронзительными голубыми глазами. Это была Тамара Александровна Шейнис. Но её имя я узнала потом. А тогда, в тот первый вечер в интернате мне было выдано из её рук огромное яблоко. С ним я

и уснула. Вскоре выяснилось, что Тамара Александровна – воспитатель старших классов.

Закончилась начальная школа. И в начале пятого класса наш классный руководитель – Родионова Роза Даниловна – перешла на другое место работы, а мы остались без классного руководства. Осенью 1980 года вернулась в интернат уволившаяся к тому времени Тамара Александровна, согласившись взять наш, оставшийся без классного руководства, класс. Вот тут и началась наша весёлая интернатская жизнь!

Прежде всего нам было объявлено, что в 5-м классе пора уже научиться играть в волейбол. И вечерами, по средам, после ужина мы всем классом отправлялись в спортзал вместе с Тамарой Александровной. Именно там, в спортзале, мы познакомились с Исаем Наумовичем, который стал тренером в нашей импровизированной волейбольной команде. Иногда преподаватели играли вдвоём против сборной наших лучших игроков. И, конечно, выигрывали! Среда была провозглашена Тамарой Александровной спортивным днём, поэтому зимой, сразу после уроков, мы отправлялись вместе с ней в лыжные походы на Щучье озеро, не менее любимое нами и осенью, во время походов за грибами с семьёй Шейнисов, включая маленького Сашу. Исай Наумович покупал каждому мороженое за найденный белый. Ребята

старались! В поисках грибов забредали довольно далеко, поэтому опьянённой лесными запахами толпе учеников обратно приходилось ехать на автобусе – за счёт любимых преподавателей. Удивлённой кондукторше только оставалось восклицать: «Да вам молоко надо давать за вредность!». В ответ они только улыбались.

Очень нами приветствовались и зимние прогулки после ужина на берег Финского залива. Там, вдалеке от городских огней, Исая Наумович рассказывал удивительные истории про звёздное небо, про космонавтов, с которыми довелось познакомиться. Казалось, что, глядя с нами на звёзды, мыслями он возвращался в свою родную Калугу – колыбель великой эры освоения космического пространства, где жил и работал Циолковский. Было очень интересно, захватывало дух! Всем хотелось блеснуть умом

перед Исаем Наумовичем, заслужить его похвалу – это дорогого стоило. И как-то на обратном пути кто-то из ребят предложил игру: составлять слова, в которых бы встретилось сразу два мягких знака. Исая Наумович легко обыграл всех на глаголах повелительного наклонения. Вот вам и живой урок русского языка! Это уже потом мы с ним, как с учителем, познакомились на уроках физики и математики, которые он проводил вместо отсутствующих преподавателей, завоевав наши сердца манерой вести урок в нестандартной форме: живо, легко и неотъемлемо с юмором. А обязательные для советского времени политинформации и классные часы его стараниями превращались в увлекательные чтения и дискуссии.

Его авторитет и блистательный ум были всеми признаны сразу и неоспоримо. Но главное – в отношениях Тамары Александровны и Исаея Наумовича с нами, учениками, было то, что они не отгораживались от нас стеной строгости и недоступности, а наоборот, увлекали нас за собой, в мир своих интересов и открытий.

Так, например, Тамара Александровна научила нас читать газеты. Всё началось с «Комсомольской правды», когда её корреспондент, известный натуралист Василий Песков опубликовал серию репорта-

жей «Таёжный тупик». Тамара Александровна, знакомя нас с историей семьи Лыковых, незаметно переключала наше внимание на другие газетные материалы. На есенинских поэтических вечерах она сама читала много стихов и рассказывала о жизни поэта. Эта любовь к его творчеству передалась и нам. Исай Наумович организовывал ежегодные внутриклассовые шахматные турниры. На стене висела настоящая турнирная таблица с расписанием игр. Участвовали все! Победитель получал почётное право сыграть с Исаем Наумовичем и диплом, написанный рукой Тамары Александровны, а также целый поднос домашних пирожных, испечённых ею же. Для абсолютного неудачника был заготовлен утешительный приз – связка баранок по количеству проигрышей.

Запомнились праздники, которые в нашем классе назывались огоньками... Новогодний огонёк, огонёк для девочек, огонёк для мальчиков. Они проходили очень весело, каждый раз по своему сценарию, не повторяясь. Исай Наумович пел под гитару, читал стихи...

Помимо внеклассных мероприятий, конечно, присутствовал ежедневный строгий контроль со стороны Тамары Александровны за успеваемостью. Тетради «для работы над почерком», потому что, по её словам, почерк является отражением характера. Вот я старалась улучшить свой характер, выписывая ежедневно по страничке в этой волшебной тетради! Уютная квартира Шейнисов, в которой было тепло от любви, где всегда ждали и радовались...

Уже давно прошли школьные годы, но семья Шейнисов оставила большое светлое пятно воспоминаний о детстве, превратив период воспитания в интернате в полноценную ребячью жизнь с праздниками и яркими событиями. И я думаю, что под этими словами подпишутся многие их выпускники. Исай Наумович – он был талантлив во всём, насмешлив, интересен и неподражаем, в моей памяти остался неразрывно связан с Тамарой Александровной. Они так и шли вместе, рука об руку, помогая и выручая друг друга, и дарили нам ощущение счастья, согревали своей неиссякаемой любовью. Школа жизни, основы характера, правильное отношение к себе и окружающим в этом мире, и даже красивый почерк – всё от них! И чем больше разрыв во времени, который обозначен датами их памяти и сегодняшним днём, тем светлее становится память сердца...

Аллея Памяти

Аллея Памяти семьи педагогов появилась в Зеленогорске благодаря совместным усилиям жителей города, воспитанников педагогической семьи Шейнисов и Муниципального Совета Зеленогорска.

Торжественная церемония открытия состоялась 5 октября 2002 года в День учителя перед зданием школы № 450 (ранее школа-интернат № 48), где за рекордно короткий срок (три недели от идеи до воплощения) появилась вымощенная гранитной плиткой Аллея. После реконструкции сквера взору открылись красавицы - туи, посаженные семьёй Шейнисов вместе с воспитанниками в далёком 1974 году. Обновлённая клумба тоже имеет свою «изюминку»: её дизайн символизирует собой количество выпусков этой учительской четы. В центре клумбы установлен гранитный камень, на котором начертано:

«Аллея заложена в сентябре 2002 года в память о Исае Наумовиче и Тамаре Александровне

Шейнис – учителя с большой буквы. Лучшие 25 лет своей жизни они посвятили нашему будущему - детям Зеленогорска.

Ученики, коллеги, муниципальный совет Зеленогорска”.

Впервые в России был установлен памятник семье педагогов. Необычное, лаконичное, но содержательное архитектурное решение. Идея о необходимости создания такого памятника витала в воздухе уже давно и, к счастью, нашла своё воплощение в нашем городе.

«Териоки мои, Териоки...»

29 декабря 2007 в Зеленогорской библиотеке состоялось открытие выставки фоторабот Александра Першина. Выставка необычна: свои «фотораздумья» Александр Вячеславович посвятил стихотворениям Исая Шейниса, иллюстрируя их ретроспективным фотовзглядом на параллели жизненных путей - своего и Исая Наумовича.

Символично и название выставки: «Я уйду и останусь».

На торжественном открытии выставки, совпадающем по дате с юбилейным днём рождения Александра Вячеславовича Першина, была озвучена идея выпуска нового сборника стихов Исая Наумовича Шейниса.

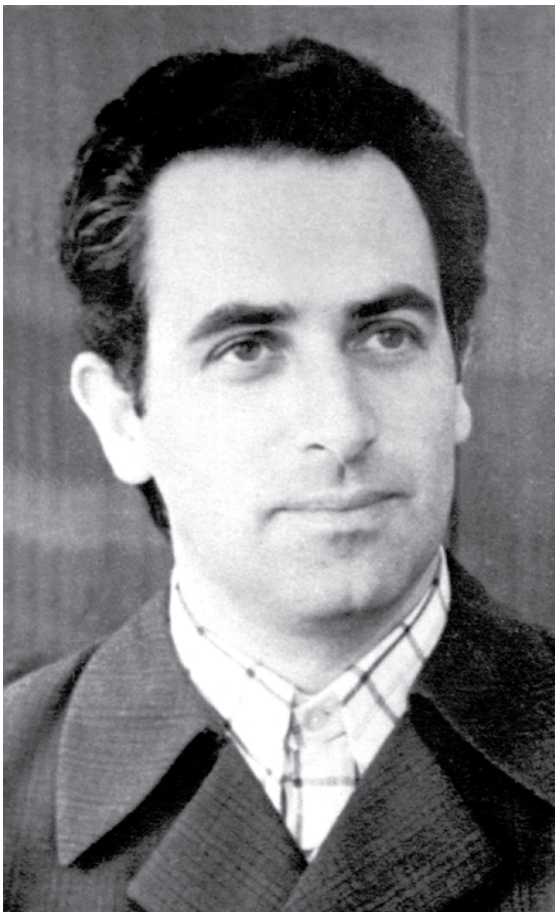
ПРИВЕТСТВИЯ

ЛИРИКА

<i>«Страна моя, мать моя...»</i>	7
<i>«В этих днях наша жизнь...»</i>	17
<i>«Мои созданыя из мечты...»</i>	40
<i>Сестре. Дочери. Сыну. Жене.</i>	55
<i>«Ночами — до сих пор бои...»</i>	60
<i>«Жизнь кривляется, как клоун...»</i>	68
<i>«Подставлю вам любую щеку...»</i>	104
<i>«Увидим посреди зимы...»</i>	112

ПОСЛЕСЛОВИЕ

<i>Песни</i>	120
<i>Наш Исай. Воспоминания учеников</i>	148
<i>Аллея Памяти педагогов Шейнисов</i>	162
<i>Выставка Александра Першина</i>	164

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ СОЛОВЬЕВ
В ДЕНЬ ПОХОРОН ДОРОГОГО ДРУГА —
ИСАЯ НАУМОВИЧА ШЕЙНИСА (1937-1994)

ДРУГУ, УМЕРШЕМУ ВО СНЕ

ЧТО ТЫ ВО СНЕ ПРЕД СМЕРТЬЮ ВИДЕЛ?
КАКОЙ ПОДЛЕЦ ТЕБЯ ОБИДЕЛ?
КАКОЙ ПРОДАЛ ЗАКЛЯТЫЙ ДРУГ,
ЧТО СЕРДЦЕ БОЛЬНО СЖАЛОСЬ ВДРУГ?

ИЛИ ТЕБЕ ПРИСНИЛИСЬ КУЩИ,
ЧТО ВСЕХ ЗЕМНЫХ БЕЗМЕРНО ЛУЧШЕ,
И БОГ, СВЕРКАЯ БЕЛИЗНОЙ,
СКАЗАЛ ТЕБЕ: “ЛЕТИ СО МНОЙ!”?

И ТЫ ПОСЛУШНО ВОСПАРИЛ,
И ТЫ ЕГО БЛАГОДАРИЛ
ЗА ЖИЗНЬ — ДАР БОЖИЙ В КАЖДОМ ДНЕ,
ЗА СМЕРТЬ, ПРИШЕДШУЮ ВО СНЕ?

СКАЖИ МНЕ, ДРУГ! СКАЖИ ПОТОМ,
ПРИДЕТ ЧЕРЕД — НА СВЕТЕ ТОМ...

Литературно-художественное издание
с нотным приложением

«Териоки мои, Териоки»
из цикла «Я уйду и останусь с тобою»

Исай Шейнис
Лирика

Публикуется в авторской редакции

Идея проекта: А.Першин, А.Шейнис

Фотографии: А.Браво, Г.Иванцова, А.Першин, Г.Пономарёв,
Н.Островский, А.Шейнис, D.Reis

Корректор : Попова Е.П.

Оформление, дизайн : Сергей Антипов, Дмитрий Анопов

Обсудить данное издание и присоединиться
к «Группе выпускников школы-интерната 48 г. Зеленогорска»
можно по адресу в Интернет:
<http://vkontakte.ru/club1025579>

ISBN

Подписано в печать 07.07.08. Формат 600х90 1/8.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 00,0.
Тираж 500 экз. Заказ №000. Отпечатано в ООО «Первый ИПХ».
194044, Б. Сампсониевский пр., 60, тел. (812) 324-61-99
www.lubavich.spb.ru